

**НАУЧНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАУКА**

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ**

**Сборник научных трудов
по материалам международной
научно-практической конференции**

25 ноября 2015 г.

www.scipro.ru
Нижний Новгород 2015

УДК 8
ББК 80/83

А 437

Редакторы:
Н.А. Краснова, Т.Н. Плесканюк

Актуальные проблемы современной филологии: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 25 ноября 2015 г. Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука», 2015. 36 с.

ISBN 5-00-005294-3

В сборнике научных трудов расстраиваются проблемные вопросы по всем направлениям филологической науки научных сотрудников России и зарубежных стран по материалам научно-практической конференции «Актуальные проблемы современной филологии» (25 ноября 2015 г.)

Сборник предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все включенные в сборник статьи прошли научное рецензирование и опубликованы в том виде, в котором они были представлены авторами. За содержание статей ответственность несут авторы.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – **РИНЦ** по договору No 2819-10/2015К от 14.10.2015 г.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайтах <http://www.scipro.ru> и <http://www.libex.ru/>.

УДК 8
ББК 80/83

ISBN 5-00-005294-3

- @ Редакторы Н.А. Краснова,
Т.Н. Плесканюк, 2015
- @ Коллектив авторов, 2015
- @ Индивидуальный предприниматель
Краснова Н.А., 2015

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1. Литературоведение

- Иванова Н. П.**
АНАЛИЗ БИНАРНЫХ ОППОЗИЦИЙ В ПРОЦЕССЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕНТАЛЬНОГО
ПРОСТРАНСТВА АВТОРА..... 4

СЕКЦИЯ 2. Русская литература

- Ландина А.С., Межебовская В.В.**
"СЕРЕБРЯНАЯ ИВА" АННЫ АХМАТОВОЙ..... 8

СЕКЦИЯ 3. Литература народов Российской Федерации

- Ганиева-Гыйниятуллина А.Ф.**
МИЛЛӘТ ҺӘМ ТАБИГАТЪ БӘЙЛӘНЭШЕ МӘСЪӘЛӘСЕ
(В.ИМАМОВНЫҢ «МОГИКАН» ПОВЕСТЕ МИСАЛЫНДА)..... 10
- Миннуллина Ф.Х.**
XX ЙӨЗ АХЫРЫ ТАТАР ДРАМАТУРГИЯСЕНДӘ МИФОЛОГИК ОБРАЗЛАР..... 12

СЕКЦИЯ 4. Литература народов стран зарубежья

- Лебедева И.В., Саракаева Э.А.**
"ПЕСНЬ О НИБЕЛУНГАХ" В ФОЛЬКЛОРЕ ФАРЕРСКИХ ОСТРОВОВ..... 16

СЕКЦИЯ 9. Русский язык

- Куншина В.С.**
КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ КЛАСС МЕСТОИМЕННЫХ ГЛАГОЛОВ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ..... 18
- Фатина А.В., Шутова Т.А.**
РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЙ ТЕСТ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА 21
- Перепелицына Ю.Р., Чеккуева Л.Х.**
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА В
СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ..... 23

СЕКЦИЯ 12. Германские языки

- Жесткова М.С.**
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АВСТРИЙСКИХ ДИАЛЕКТИЗМОВ В СОВРЕМЕННОЙ
АВСТРИЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ 26
- Рохлина А.И.**
ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКОЙ БИЗНЕС-ТЕРМИНОЛГИИ..... 29

СЕКЦИЯ 15. Теория языка

- Хафизова Д.А.**
ЗАРУБЕЖНЫЕ ПРОЕКТЫ ПО МОБИЛЬНОМУ ОБУЧЕНИЮ 33

СЕКЦИЯ 1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1

АНАЛИЗ БИНАРНЫХ ОППОЗИЦИЙ В ПРОЦЕССЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕНТАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА АВТОРА

ANALYSIS OF BINARY OPPOSITIONS IN THE RESEARCH PROCESS OF AUTHOR'S MENTAL SPACE

Иванова Н. П.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь
N-P-Ivanova@yandex.ru

Ivanova N. P.

Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky, Simferopol

Аннотация.

Цель статьи – проанализировать роль выделения бинарных оппозиций в процессе изучения ментального пространства автора, реализованного в картинах окружающего мира. Исследование осуществляется в рамках структурного метода анализа литературного произведения. В нем обоснована целесообразность описания авторского ментального пространства путем выделения и рассмотрения его основных бинарных оппозиций, а также сделан вывод о том, какие антиномии являются ключевыми для русской прозы XIX века.

Ключевые слова: литературный пейзаж, ментальное пространство автора, бинарные оппозиции

Abstract.

The article aims to analysis the role of the allocation of binary oppositions in the process of studying author 's mental space, realized in the paintings of the world. The study is carried out in the framework of the structural method of literary analysis. In it the expediency of the description of the author's mental space by allocating and reviewing its basic binary oppositions, and also concludes which antinomies are key to Russian prose of the XIX century.

Keywords: literary landscape, the mental space of the author, binary oppositions

Современные исследователи рассматривают культуру и, в частности, литературу как разворачивающуюся во времени ментальную пространственную конфигурацию. В связи с этим особую актуальность приобретает анализ ментального пространства автора, проводимый на стыке литературоведения, философии, культурологии, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и психологии, поэтому закономерно, что «в последние десятилетия проблема отображения в сознании человека целостной картины мира... стала одной из важнейших проблем» ряда областей гуманитарных наук [7, с. 6-9].

С понятием «картина мира» коррелирует предложенный Ж. Фоконье в конце XX века термин «ментальное пространство». По мнению этого исследователя, ментальные пространства призваны не отражать так называемую «объективную реальность», а воплощать образ того, как человек думает и говорит о тех или иных вещах. Однако у Ж. Фоконье термин «ментальное пространство» использовался в широком понимании и был синонимичен понятию «внутренний мир человека», в узком же понимании этот термин можно трактовать как мировоззрение автора, выраженное посредством пространственных характеристик, реализованных в картинах окружающего мира. Таким образом,

традиционный анализ литературного пейзажа приобретает новые возможности и может быть проведен с учетом указанных категорий.

В сфере литературоведения изучение указанных категорий требует дальнейшего продвижения по пути, указанному ещё В. И. Белецким, В. М. Жирмунским, П. Н. Сакулиным, В. Ф. Саводником и незаслуженно обойденному вниманием в прошлом веке, ведь литературный пейзаж как элемент формы – это самое яркое и точное отражение ментального пространства автора, «лакмусовая бумажка» его художественной системы. В конце прошлого века интерес к такого рода исследованиям был возрожден на качественно новом уровне, обозначенном В. Н. Топоровым, утверждавшим, что в настоящее время вырисовываются перспективы особой «специализированной» поэтики, отсылающей как к самому тексту, так и к «правилам» его чтения (литературоведческо-читательский аспект) сквозь призму «пространственности».

В связи с этим представляется, что «ментальное пространство автора» и есть то искомое «однозначное определение, сущность которого отчетливо обозначилась» еще в исследованиях конца прошлого века: «Уже на уровне сверхтекстового, чисто идеологического моделирования язык пространственных отношений оказывается одним из основных средств осмысления действительности. Понятия “высокий – низкий”, “правый – левый”, “близкий – далекий”, “открытый – закрытый”, “отграниченный – неотграниченный”, “дискретный – непрерывный” оказывается материалом для построения культурных моделей с совсем непространственным содержанием и получают значение: “ценный – неценный”, “хороший – плохой”, “свой – чужой”, “доступный – недоступный”, “смертный – бессмертный” и т.п. Самые общие социальные, религиозные, политические, нравственные модели мира, при помощи которых человек на разных этапах своей духовной истории осмысляет окружающую его жизнь, оказываются неизменно наделенными пространственными характеристиками» [5, с. 267].

Следовательно, ментальное пространство автора является своего рода культурным, философским, художественным кодом, в процессе расшифровки которого мы можем приблизиться к миропониманию не просто того или иного писателя (что, конечно, само по себе немаловажно), а к вершинным носителям информации об определенной эпохе, культуре, художественной системе. Очень точно направление проводимого анализа задано П. Н. Сакулиным в работе «Синтетическое построение истории литературы»: «Предметом историко-литературного анализа является изучение композиции и стиля как выразителя духа эпохи и индивидуальности поэта. Таким образом, история литературы есть история литературных форм, воплощающих идеи, и идей – поскольку они влияли на эволюцию форм» [8, с. 33].

В процессе исследования ментальное пространство автора может быть представлено посредством анализа бинарных оппозиций, являющихся репрезентативными для мировоззрения того или иного писателя и эксплицированных в ряде его произведений. Вообще, понятие «оппозиционность» является фундаментальным для филологической науки, что убедительно обосновал в работе «Проблемы типологии русского реализма» Ю. В. Манн, назвавший парность необходимой предпосылкой творчества: «Собственно “опозиционность” - в широком смысле слова – свойство высказывания вообще, поскольку, утверждая одно, оно тем самым отрицает другое, и наоборот... обе части поэтического суждения – высказываемое и подразумеваемое – присутствуют в тексте. Если же одной из частей нет, то она прозрачно подразумевается, так как существует “рядом”, в смежных произведениях, подсказывается контекстом творчества писателя или даже целого направления. Происходит взаимодействие и борьба поэтических оппозиций» [6, с. 16].

И коль скоро оформление ментального пространства – это моделирование окружающего мира, именно бинарные оппозиции могут служить составляющими такой модели, так как, оценивая «полюса мироздания», коими и являются такие оппозиции, автор, пусть иногда бессознательно, прорисовывает и пространство между «полюсами», создавая тем самым свою картину мира.

Более того, «поскольку значимо только то, что имеет антитезу, то любой композиционный прием становится смысловозначительным, если включен в противопоставление контрастной системы» [4, с. 252].

Для исследования ментального пространства автора особенно актуальны те бинарные оппозиции, которые реализованы в картинах окружающего мира. В связи с этим метод анализа бинарных оппозиций в литературоведении представляется плодотворным еще и потому, что многие писатели определяют собственную картину мира как то или иное понимание оппозиции «природа – человек».

Восприятие природы эволюционировало параллельно с обществом и искусством, а значит, параллельно с развитием литературного процесса, и, конечно же, каждый этап этой эволюции отражался в художественных текстах. В анализе этого процесса одним из ключевых всегда был вопрос о соотношении сознательного и бессознательного в природоописаниях. В этом отношении русская литература XIX века проделала путь от стихотворения В. А. Жуковского «Невыразимое» до чеховской импрессионистической детализации.

Столь же неабсолютной представляется и оппозиция «объективное - субъективное», ведь «без рецептивности, без доступности для восприятия... объективное выражение не могло бы существовать, но оно не сводится к субъекту; природно-прекрасное указывает на преимущественное значение объекта в сфере субъективного опыта... Мало что из природно-прекрасного с такой полнотой перешло в произведения искусства, как эта двойственность» [1, с. 104]. Еще Вячеслав Иванов утверждал, что «естественное отношение личности к миру есть отношение субъекта к объекту». Ментальное пространство автора является своего рода контаминацией субъективного и объективного: писатель изображает объективный мир, но от субъективности такого изображения ему не уйти. В художественной литературе существует масса примеров, которые могут служить яркой иллюстрацией сказанного, например, фрагмент романа И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева»: «Да, вот Полоцк, что меня тянуло туда? С этим словом — Полоцк или, по-древнему, Полотыск — у меня давно соединилось предание о древнем князе Всеславе, которое я когда-то прочел еще в отрочестве... С тех пор Полоцк всегда представлялся мне совершенно чудесным в своей древности и грубости: какой-то темный, дикий зимний день, какой-то бревенчатый Кремль с деревянными церквями и черными избами... Когда я наконец попал в действительный Полоцк, я, разумеется, не нашел в нем ни малейшего подобия выдуманному. И все-таки во мне и до сих пор два Полоцка — тот, выдуманный, и действительный» [2, Т. 4, С. 289-290].

Лингвокультуролог В. А. Маслова считает, что «Время», «Пространство» и «Число» являются важнейшими концептами культуры. А. Я. Гуревич называет эти категории «системой координат», при помощи которых люди, принадлежащие к той или иной культуре, воспринимают мир и создают его [3, с. 76]. Исследователь утверждает: «Категория пространства характеризует протяженность мира, его связность, непрерывность, структурность, трехмерность (многомерность) и т.д. как важнейшая форма мира и жизни в нем человека, пространство многообразно представлено в языке, сознании, культуре, мифологии языковой личности» [3, с. 76]. Это, конечно, справедливо, однако здесь хотелось бы отметить особенность методики исследования ментального пространства автора, которая видится отличной от методики актуального в современной лингвистике (и, в частности, лингвокультурологии) анализа концептосферы того или иного языка.

Представляется, что анализ ментального пространства автора должен проводиться на материале как минимум одного литературного произведения в целом или ряда произведений того или иного автора, в котором реализуются те или иные особенности этого пространства. Такой подход позволяет сделать вывод о ценностных и мировоззренческих ориентирах писателя как носителя определенных национально-культурных традиций, так как основывается на ряде примеров. Анализируя концептосферу, исследователи зачастую ограничиваются единичными примерами, взятыми из того или иного литературного произведения. Возможно, так создается представление о картине мира носителя языка, что и

является целью такого рода исследований. Но составить хоть сколько-нибудь полное представление о ментальном пространстве автора этого произведения таким образом практически невозможно.

Кроме того, литературный процесс имеет свои этапы развития, как мировоззренческого, так и художественного. И в связи с этим бинарные оппозиции позволяют судить о ходе и результатах этого развития. Особенно наглядно это демонстрируют те из них, которые можно назвать сквозными ментальными оппозициями русской прозы XIX века: «верх – низ» («земное – небесное»), «ожидаемое (желаемое) – действительное», «свое – чужое», «временное – вечное». Анализируя их реализацию в картинах окружающего мира, мы получаем возможность сопоставить точки зрения русских классиков по ключевым мировоззренческим вопросам.

Оппозиции «человек – природа», «дом – окружающий мир», «свет – тень», «тишина – мир звуков», «добро – зло», «реальный мир – иномирие», «провинция – столица», «ложное – истинное», не являясь сквозными для русской прозы XIX века в целом, в той или иной форме неизбежно реализуются в ментальных пространствах ряда писателей и также являются репрезентативными для анализа литературного процесса.

В аспекте оппозиционности, подобно тому, как П. Н. Сакулин разделил все литературные направления на реальные и ирреальные, ментальные пространства писателей XIX века можно разделить на, условно говоря, дуальные и целостные. Дуальные ментальные пространства так или иначе имеют в своей основе романтическую философию двоемирия с ее делением мира на реальный и потусторонний, действительно существующий и желаемый. Эти два мира могут обладать естественными или намеренно создаваемыми точками соприкосновения, взаимопроникновения, однако они отчетливо оппозиционны. Их существование нарушает внутреннюю гармонию автора, чье ментальное пространство зачастую обнаруживает стремление к преодолению оппозиций «ожидаемое/желаемое – действительное», «верх – низ», «свое – чужое», «временное – вечное», однако это оказывается невозможным ввиду особенностей авторского мировосприятия. К дуальным относятся ментальные пространства А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского и А. П. Чехова, к целостным – Л. Н. Толстого. В последнем мир воспринимается сугубо как данность, а ментальные оппозиции оказываются успешно преодоленными. Доказательством сказанного служит и тот факт, что герои А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского стремятся преодолеть ментальные оппозиции путем смены пространства, чего, как правило, не происходит в произведениях Л. Н. Толстого.

Таким образом, из ментальных пространств отдельных писателей создается общая картина ментальной и художественной эволюции русской прозы XIX века, когда все указанные оппозиции являются взаимодополняющими и зачастую имеют причинно-следственную связь.

Библиографический список

1. Адорно В. Т. Эстетическая теория / В.Т. Адорно. – М.: Республика, 2001. – 527 с.
2. Бунин И. А. Собрание сочинений: В 6-ти томах / И. А. Бунин. – М.: Художественная литература, 1988.
3. Гуревич А. Я. Проблема ментальностей в современной историографии / А. Я. Гуревич // Всеобщая история: Дискуссии, новые подходы. – М., 1989. – Вып. 1. – С.75-89.
4. Лотман Ю. М. Об искусстве / Ю. М. Лотман. – СПб.: «Искусство—СПБ», 1998. – 368 с.
5. Лотман Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – М., 1970. – 384с.
6. Манн Ю. В. Проблемы типологии русского реализма / Ю. В. Манн. – М.: Наука, 1969.- 475 с.
7. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику / В.А. Маслова. – М.: Флинта, Наука, 2007. – 296 с.
8. Сакулин П. Н. Филология и культурология / П. Н. Сакулин. – М.: Высшая школа, 1990. – 232 с.

9. Топоров В. Н. Пространство и текст / В. Н. Топоров // Текст: семантика и структура. — М., 1983. — С. 218-252.
10. Fauconnier G. Mental spaces / G. Fauconnier. - Cambridge, Mass.: MIT Press, 1985. — 190 p.

СЕКЦИЯ 2. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

УДК 82

"СЕРЕБРЯНАЯ ИВА" АННЫ АХМАТОВОЙ

ANNA AKHMATOVA'S SILVER WILLOW

Ландина А.С., Межебовская В.В.

Оренбургский Государственный Педагогический Университет
Alina9494@list.ru, vikvik62@rambler.ru

Landina A.S., Mezhebovskaya V.V.
Orenburg State Pedagogical University

Аннотация.

В статье рассматривается образ ивы в творчестве Анны Ахматовой.

Ключевые слова: Анна Ахматова, поэзия, ива

Abstract.

The article deals with the image of a willow in Anna Akhmatova's works.

Keywords: Anna Akhmatova, poetry, willow

На рубеже XIX-XX веков, в эпоху великих открытий и достижений человечества, и, вместе с тем, в эпоху двух мировых войн, накануне революции 1917 года в России возникла одна из самых значимых в литературе нового времени «женская» поэзия, у истоков которой стояла Анна Ахматова.

Однажды, Ф.М. Достоевский сказал юному Д. Мережковскому: «Чтобы хорошо писать, страдать надо, страдать» [2, с.14]. Можно с полной уверенностью сказать, что Анна Ахматова страдала всю жизнь, и, безусловно, эти страдания пронизывают ее поэзию. В стихах Анны Ахматовой нашла выражение почти каждая женская душа в сложный момент ее существования, во времена потерь, лишений и горя.

В творчестве каждого поэта есть любимое дерево, которое становится символом его самого. У А. Пушкина – это дуб, у М. Цветаевой – рябина, клен у С. Есенина, ива – у Анны Ахматовой. Ее называли «серебряной ивой» и утверждали, что после смерти поэта лес поэзии остался «безлистным».

Стихотворение «Ива» («А я росла в узорной тишине...») написано Анной Ахматовой 18 августа 1940 года после длительного молчания, в сложный для поэта период: в 1939 году был арестован сын – Лев Гумилев и приговорен к пяти годам лагерей. В стихотворении выражен целый комплекс ассоциаций, личных переживаний и воспоминаний, связанных с этими событиями. Оно наполнено болью и страданием – не зря ива «плакучее» дерево.

Уже в самом названии стихотворения содержится ключ к пониманию его замысла. Ива у славян – символ печали, одиночества и скорби, а плакучая ива – символ горя и смерти. Ива в стихотворении соотносится со смертью. Сама ива умирает, от нее остается лишь пень. Ее предсмертный «плачь» мы слышим и чувствуем: чередование сонорных согласных «р», «н», «л» с шипящими «ш», «х», «ч», «ж» и глухими «с», «к» и «т» - словно шелест ветвей и листьев, склонившегося над рекой дерева:

А я росла в узорной тишине,

В прохладной детской молодого века.
И не был мил мне голос человека,
А голос ветра был понятен мне. [1, с.401]

Помимо аллитерации, Анна Ахматова на уровне звукописи создает протяжное пение с помощью ассонанса, имитирующего плачь: повторяются ударные и безударные гласные «о», «а», «е», «и»:

Я лопухи любила и крапиву,
Но больше всех серебряную иву.
И, благодарная, она жила
Со мною всю жизнь, плакучими ветвями
Бессонницу овеивала снами. [1, с.401]

Образ ивы становится здесь символом одиночества, поэт подчеркивает, что дерево это сопровождает всю ее жизнь. Именно поэтому в стихотворении «Ива» много личных местоимений, которые сближают читателя с лирическим героем и отзываются личными переживаниями и воспоминаниями. Местоимение «я» повторяется в стихотворении 4 раза, а «мне» - 3 раза:

А я росла в узорной тишине,
В прохладной детской молодого века.
И не был мил мне голос человека,
А голос ветра был понятен мне. [1, с.401]
Союзы «а» в начале строки:
«А я росла в узорной тишине...»
«А голос ветра был понятен мне...» [1, с.401]
А также союзы «но», «и»:
«Но больше всех серебряную иву...»
«И – страшно! – я ее пережила...» [1, с.401]

По мнению Бориса Эйхенбаума, использование этих приемов играет большую роль в поэзии Анны Ахматовой и являются характерной чертой ее стиля: «недаром подражателей Ахматовой узнаешь сразу не столько по словам, сколько по синтаксису» [3, с.15].

Эпиграф указывает на А. Пушкина. Думается, что в стихотворении Анна Ахматова подражает великому русскому поэту и создает здесь образ пушкинской ясности. Ритм однообразен и четок, звуковая организация только подчеркивает гармоничность образа.

В первой части стихотворения преобладают глаголы прошедшего времени: «росла», «был понятен», «любила», «жила», что говорит о тоске поэта по пережитому, о том, что она нередко возвращается к прошлому, и это оправданно. Ива здесь символ того вечного, что навсегда остается в памяти – любимые и родные поэта.

И это подтверждается еще одним стихотворением Анны Ахматовой «Ива» (1921 год):
У берега серебряная ива
Касается сентябрьских ярких вод.
Из прошлого восставши, молчаливо
Ко мне навстречу тень моя идет. [1, с.372]

В этом стихотворении ахматовская ива еще жива, еще живы все, кто был дорог. Что заставляет поэта спустя 20 лет вернуться к той, «серебряной», иве? Вечная память о боли, испытаниях и горечи потерь, которые проходят тонкой нитью сквозь все творчество Анны Ахматовой, и именно это делает ее поэзию «женской».

В последней строфе появляются глаголы настоящего времени, что еще раз говорит о том, что лирический герой погружен в прошлое и живет им в настоящем:

Там пень торчит, чужими голосами
Другие ивы что-то говорят.
Под нашими, под теми небесами.
И я молчу... Как будто умер брат. [1, с.401]

Анна Ахматова кодирует под образом ивы, как нам кажется, существо, близкое по духу, дорогого *как брат*, она воспринимает ее потерю как потерю любимого человека.

Это подтверждается тем, что Анна Ахматова третий раз возвращается к «серебряной» иве уже в 1944 году. Стихотворение «Разрыв» написано в конце Второй мировой войны, а название говорит само за себя: разрыв между прошлым и настоящим настолько велик, что остаются лишь воспоминания. Здесь уже не только личное восприятие поэта, а голос каждого человека, ведь война забрала тысячи жизней, разрушила то, что создавалось долгие годы, и, безусловно, душа Анны Ахматовой не могла молчать, голосами миллионов людей отзывается в нас это стихотворение. А ива вновь символизирует боль утраты и потерь:

И, как всегда бывает в дни разрыва,
К нам постучался призрак первых дней,
И ворвалась серебряная ива
Седым великолепием ветвей.
Нам, иступленным, горьким и надменным,
Не смеющим глаза поднять с земли,
Запела птица голосом блаженным
О том, как мы друг друга берегли. [1, с.423]

Ива в этом стихотворении «врывается» - как врываются воспоминания о былом, о том, как потеряли тех, кого любили, но в тоже время ива будто возрождается, поэт продолжает верить в светлое будущее народа и своей страны.

Следовательно, в образе ивы срослись осколки культурной памяти народа: одиночество, отрешенность лирического героя от людей, близость его к природе.

Библиографический список

1. Ахматова А. Собр.соч. в шести томах, т.1, М., "Эллис Лак", 2001
2. Николукин А. Феномен Мережковского // Д.С. Мережковский: pro et contra. Личность и творчество Дмитрия Мережковского в оценке современников. Антология. - СПб.: РХГИ, 2001
3. Эйхенбаум Б.. Анна Ахматова. Опыт анализа. СПб, 2006

СЕКЦИЯ 3. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МИЛЛӘТ ҺӘМ ТАБИГАТЪ БӘЙЛӘНЭШЕ МӘСЪӘЛӘСЕ (В.ИМАМОВНЫҢ «МОГИКАН» ПОВЕСТЕ МИСАЛЫНДА)

**Проблема соотношения нации и природы (на примере повести В.Имамова
“Могикан”).**

**The problem of correlation of the nation and the nature (under the example of the
V.Imamov`s story "Mohicans").**

Ганиева-Гыйниятуллина А.Ф.
Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова
aygulgani@mail.ru

Ganiyeva Gyniyatullina A.F.
Institute of Language, Literature and Art. of G.Ibragimov

Аннотация.

Считавшиеся в свое время ударными и передовыми строительство КамАЗа, возведение города Набережных Челнов в литературе изображались только как положительное явление; но, как видим, в настоящее время все это рассматривается как одна из важных причин приведших к исчезновению национального народного начала. Ярким примером этому служит повесть "Могикан" В. Имамова.

Abstract.

It is believed at the time the drums and advanced construction KamAZ, the construction of the city of Naberezhnye Chelny in the literature portrayed only as a positive development; but, as we see, at the moment all this is regarded as one of the important reasons which led to the disappearance of the National People's beginning. A striking example of this is V. Imamov's story "Mohicans".

Ключевые слова: В.Имамов, повесть, природа, нравственность, литература, национальный

Keywords: V.Imamov, tale, nature, morality, literature, national

Соңгы еллар әдәбиятында икътисади үсешнең табиғаткә генә түгел, халык әхлагына, милли кыйммәтләргә дә кире тәэсире игътибар үзәгенә алына башлады. Аның иң аяныч нәтижәсе табиғат баласы булган авыл кешесен туган жиреннән аерудан гыйбарәт. Заманында нык шаулаган, уңай яктан гына бәйләнеп килгән КамАЗ һәм Чаллы шәһәре төзелешләре хәзер милли асылыбызны югалтуга илткән факторларның берсе буларак та карала. Моңа характерлы мисалларның берсе булып В.Имамовның «Могикан» повесте тора.

Автор әлеге төзелешләренң татар халқы тормышына зур зыян китерүенә басым ясый һәм үзенң бу фикерен жанлы сурәтләр ярдәмендә чагылдыра. Экологик проблемага багышланган башка әсәрләрдәге кебек, табиғат-милләт-әхлак бәйләнеше «Могикан» повестенда да саклана. Табиғаткә килгән зыян халык әхлагына да тәэсир итә, бу хәл ахыр чиктә милләт язмышына барып тоташа. Татар халқына килгән афәтнең сәбәпләрен эзләү повестыта проблема буларак күтәрелә.

Әсәр үзәгенә Гәрдәле авылының аянычлы язмышы куела. Төрле милләт вәкилләре тату гына яшәп яткан бу авылга көтелмәгән бәла килә: КамАЗның бер корпусы әлеге авыл урынына салына, Гәрдәле халкын башка жирләргә күчереп, авылны юкка чыгаралар. Авторның төп игътибары бу вакыйгаларга турыдан-туры катнашмаса да, тирә-юньдәге һәр үзгәрешне йөрәге, күңеле аша үткәреп яшәгән Вәлит–Василийга һәм аның атына юнәтелә. Могикан бер яктан, йөгән-ияр күрмәгән чабыш аты булса, икенче яктан, В.Имамов әлеге исемнең инглиз колонизаторлары тарафыннан юкка чыгарылган индеец кабиләсен аңлатуын күздә тотып, аның образында татар халкының киләчәк язмышын чагылдырырга алына. КамАЗ төзелешенә яңарак позициядән карап, автор илнең төрле төбәкләреннән бирегә жыелган халык арасында әхлаксыз бәндәләрнең дә шактый булуын, шулар аркасында авылда эчү, көчлү, урлау, фахишлек башлануын күрсәтә. Гәрдәлеләр моңа каршы торырлык көч тапмый һәм чарасызлыктан эчүгә сабыша. Шулар рәвешчә мең елдан артык тарихы булган авылның генофонды бозыла. Автор әлеге күренешләренң Явыз Иваннан калган яулап алу сәясәтенң давамы булуын тарих укытучысы Гәләветдин абзыйдан әйттерә. Татар халқына каршы юнәтелгән әлеге сәясәтнең хәзерге нәтижәсе рәвешендә әсәрдә, бер яктан, төзелештә мичкә-мичкә буяуларны, чит илдән китертелгән чыршы, нарат, ак чыршы, кедр такталарын урманда яшереп яндыру, уңдырышлы кара туфракны балчык белән бутау, тирә-юньдәге чишмә-күлләрне, зират-каберлекләрен күмдерү, ил хәтерә белән исәпләшмәү һ.б. күңелсез күренешләр сурәтләнә. Икенче яктан исә КамАЗ йөзәндә шәһәрләшү процессы көчәюнең милли яктан куркыныч төс алуы Гәрдәле язмышы аша гәүдәләндерелә. Авыл берничә ай эчендә юкка чыгарыла, халкын исә бер урынга тупларга мөмкин була торып, махсус рәвештә төрле жирләргә таралырга мәжбүр ителәр. Шулар чорда Әфганстанда барган мәгънәсез сугыш та Гәрдәлене читләтеп үтми: Вәлитнең якин дуслы Айратны кургаш табутта кайтаралар.

Кинәттән авылдашлары өстенә төшкән шундый бәла-казалар, кайгы-хәсрәт, түрәләрнең гади халыкны курчак урынына гына күрүе үзәк герой Вәлиткә нык тәэсир итә. Килмешәк түрәләрнең Могиканны «экзотика», «жирле колорит», «абориген» буларак шәхси мәнфәгатьләрендә, күңел ачу өчен файдаланырга теләүләреннән егет үзенчә үч ала: ярышта беренче килеп тә, финишка керми.

Повестының кульминацион ноктасы дип атның үтерелү күренешен атарга кирәк. Түрәләрнең эмерләренә буйсынырга теләмәгән, ирек сөюче башбирмәс Могиканны берничә кеше чокырда суеп үтерә. Әлеге күренешне автор милләт тамырына балта чабу рәвешендә билгели. Могиканның үтерелүен зур фажиға дип кабул иткән Вәлит, моннан соң яшәү ямен югалтып, яңа салынган иң биек йортның түбәсенә менеп түбән ташлана.

Әсәр пессимистик рухтарак тәмамланса да, аның финалы киң ижтимагый-фәлсәфи яңгырашка ия. Чөнки анда моңа кадәр макталган әлеге гигант төзелешнең асылда жиргә бергеп үскән, авылында калып, ат караучы булып эшләргә теләгән, туган жирен, табигатен яратучы кешенең бар булган байлыгыннан — авылынан, атынан, сөйгән ярыннан мэхрүм итеп калдырылуы күрсәтелә. Моннан соң яшәвенә мәгънәсен югалткан Вәлит үзе өчен явыз төс алган заманга үз протестын әсәрдә сурәтләнгәнчә белдерә. Әйтергә кирәк, аның бу адымы тәнкыйтьтә башкачарак та бәяләнә. Мәсәлән, тәнкыйтьче Ә.Закиржанов бу уңайдан болай язды: «Егерме яшьләр тирәсендәге егет үзен-үзе үтерүе белән нәрсә әйтергә тели, кемгә нәрсә расламакчы була соң? Автор: «бу аның әйләнә-тирәсендәге «саранчалар»га, кешелексез жәмгыятькә үзе аңлаганча, үзенең көче житкәнчә протесты», дип әйтергә тели, күрәсең. Вәлитнең «Һәрбер корбанны да каршылык һәм нәфрәт күрсәтә белмәс жансыз курчак кына диеп санамагыз. Мин үз сүземне һәммәбез өчен дә әйтеп салам...» дигән сүзләре дә шуңа ишарәли. Ләкин уйлап карыйк әле: мондый протест нәрсәгә хезмәт итә соң? Кемнең дә булса күзен ачамы, милли аң тәрбиялиме? Яисә әлеге «саранчалар»ны акылга китерәме? Кызганычка каршы, юк шул!(...) Тагын шунысы бар: егетнең үзенә кул салуы аның характер сыйфатына, хис-кичерешләренә бәйлә рәвештә дәлиләнми. Ә бу исә әсәрдәге психологик анализның йомшаклыгын күрсәтә» . Ә.Закиржановның повестыта психологик анализ житмәве турындагы фикере белән килешергә мөмкин. Шулай да язучының әсәрдә куйган максатыннан чыгып фикер йөрткәндә исә геройның мордарлыкка бару гамәле үзен аклый дияргә була. Эш шунда: повестыта КамАЗ төзелешенең табигатькә, кешеләр эхлагына һәм ахыр чиктә татар милләтенә китергән зыянын мөмкин кадәр калку итеп чагылдыру максаты куела һәм әлеге зыянны укучыларны айнытып жибәрердәй дәрәжәдә тәэсирле итеп күрсәтү өчен автор үз протестын белдерүдә башка чарасы калмаган героен шундый гадәттән тыш адымга этәрә. Бу исә «Могикан» повестен чыннан да киң яңгырашлы әсәргә әверелдерә.

Библиографический список

1. Закиржанов Ә. Могиканнар кисәтә // Казан утлары.-2001.-№10.-134 б.
2. Имамов В. Могикан: Повесть // Идел.- 2000.-№10.-Б. 6-11, 28-37.

УДК 82.512.145-2

XX ЙӨЗ АХЫРЫ ТАТАР ДРАМАТУРГИЯСЕНДӘ МИФОЛОГИК ОБРАЗЛАР

**МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ТАТАРСКОЙ ДРАМАТУРГИИ КОНЦА XX
ВЕКА**

**MYTHOLOGICAL CHARACTERS IN THE TATAR DRAMA END OF XX
CENTURY**

Миннуллина Ф.Х.

ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» обособленное структурное

Minnullina F.H.

GNBU «Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan» separate structural unit
«Institute of Language Literature and Art. G.Ibragimova ANRT»

Аннотация.

Статья посвящена изучению мифологических образов в татарской драматургии конца XX века как формы образного мышления и ее отражения в пьесах М.Гилязова и З.Хакима, где показана трагедия человека, на долю которого выпали суровые жизненные испытания.

Abstract.

The article is devoted to the study of mythological images in the Tatar drama of the end of the XX century as a form of creative thinking and its reflection in the plays M.Gilyazova and Z. Khakimov, where the tragedy of a man who have borne the harsh trials of life.

Ключевые слова: мифология, образ, драма, конфликт

Keywords: mythology, image, drama, conflict

XX гасырның 80 еллар ахырында илдә башланып киткән демократик үзгәртеп коруларга бәйле рәвештә, каләм ияләре моңа кадәр яктыртырга ярамаган темаларга һәм проблемаларга мөрәжәгать итә башлыйлар. Татар драматургиясе туктаусыз процесста булып, үсеш-үзгәреш кичерә. Г. Арсланов билгеләгәнчә, күтәрелгән проблемаларның кайберләре (мәсәлән, миллилек яки татар идеясе, милләтпәрвәрлек) йөз йөз егерме еллык тарихы булган зур драматургиябызның иң беренче эсәрләрендә үк билгеләнеп, бүгенге көнгә яңарып, күптөрле сыйфатлар беләе баатылса, икенчеләре күптән түгел генә формалашып, үсеш ала [1, с. 19]. Сәхнә әдәбиятында жанр һәм жанр формаларының төрлеләнүе күзәтелә. Болар барсы да ил күләмендә барган вәзгыят, халык тормышында көтелмәгән вакыйгалар, борылышлар белән дә бәйле. Каләм ияләре тарафыннан гомумкешелек кыйммәтләре, кеше гомере аның яшәеше, шәхес иреге мәсәләләре алга куела. Мәгълүм булганча, һәр язучының эстетик идеалы тормыштагы социаль вакыйгалар, ул яшәгән төбәктәге ижтимагый мохит тәэсирендә формалаша башлый. Әдәбиятта яңа эсәрләр иҗат ителә, яңа геройлар барлыкка килә.

А.Әхмәдуллин билгеләгәнчә соңгы елларда яшәешебезгә үтеп кергән рухи түбәнлек драмаларның эчтәлегенә генә түгел, ә форма-стиль үзенчәлекләренә дә тәэсир итә, һәм аны гажизлек мотивы дип атый [2, с. 88]. Бу чор сәхнә әдәбиятындагы сыйфат үзгәрешләре Т.Миңнуллин, И.Юзеев, М.Гыйләжев, Р.Батулла, Р.Хәмид, Р.Мингалим, Ф.Садриев, Ф.Бәйрәмова, З.Хәким, Г.Каюмов, Д.Салихов, Р.Сәгъди, М.Гыйләжев, Аманулла, Р.Зәйдулла, һ.б. ижаты белән бәйле. Тоталитар режимны, бюрократик системасын фаш иткән пьесалар иҗат ителә. Чынбарлыкны чагылдыруда авторлар төрле алым-чаралар эзлиләр, мифологик образларга, еш мөрәжәгать итеп, яңа тормыш моделен төзиләр. Р.Сверигин исә әлеге тенденцияне “фажигале сенсацияләр эзләү, һәм табу, күпвакыйгалык, хәл-вакыйгаларның бик тиз үзгәртеп кору ыгы-зыгысын күрсәтү шаукымы”, [11, с. 153] -дип билгели.

“Шартлы-фантастик юнәлеш – заман чынбарлыгын шартлылык һәм әдәби алым булып килгән фантастик күренешләр аша чагылдыра. Соңгы елларда киң үсеш алып, ул “магик реализм”, “абсурд тетры”, “явызлык театры” кебек агымнарга хас сыйфатларны да үз итә” [9, с.268]. “XX гасыр татар әдәбияты тарихы” дигән хезмәттә мифологик мәглүматлар, шартлы-мифологик, символик образлар, метафора, әкияти алымнар ярдәмендә укучыга идеал тормыш модели тәкдим ителә, яшәеш кенә түгел, сәяси кыйммәтләр дә кире кагыла” [13, с. 33], дип билгеләнә. Әлеге күренешләр З.Хәкимнең “Жен бутады”, А.Хәлимнең “Кияү урлау”, М.Гыйләжевның “Бичура” кебек пьесаларында урын ала.

Татар әдәбиятында мифологик образ - Бичура шуларның берсе. «Өй иясе – татар мифологиясенә нигезен тәшкил иткән ияләр дөнъясында үзәк урын тотучы рух. Чөнки ул

башка иялэргэ караганда кешелэргэ якынак тора... Кешелэргэ күп файда китерэ. Ин мөһиме, ул өйне саклай...» [12, с. 203]. “Татар мифологиясе” энциклопедик сүзлегендә татар халкында сакланып калган мифлар, төгәлрәге аларның кайбер үзенчәлекләре биш төркемгә бүленеп карала. Шуларның берсе - “Түбән мифология” персонажларында Бичура явыз зат булып карала [12, с.200]. “Мифы народов мира” энциклопедиясендә Бичура хакында түбәндәге юллар бар “...В отличие от өй иясе бывает не во всех домах... Согласно мифам, Б. проказничает в доме (открывает в печи трубу, шумит, прячет вещи, наваливается на спящих, пугает), но к некоторым благоволит, приносит деньги, помогая разбогатеть. Иногда татары оставляли свои дома, считая, что в них не даёт спокойно жить. У татар-мишарей Б, — разновидность злых духов пиров” [10, с.120]. М.Гыйләжевның “Бичура” (1988–1989) драмасында Бичура – йорт хужасы, кешелэргэ файда китерүче буларак күзаллана. Драмада ике катлам – чынбарлык белән шартлы-мифологик дөнья янәшә куела. Шартлы-метафорик эчтәлек Бичура һәм Кара жаннар образларына бәйле рәвештә ачыла [13, с.32]. Кайчандыр йөздән артык йорты булган авылда нибары ике хужалык калган. Халыкның күбесе ачыктан, кем сугышта үлгән, кемнәрдер туган нигезен калдырып чит жирлэргэ китеп барган. Драмада Аксак күңелендә барган Ак (Бичура) һәм Кара (Шәүләләр) якның үзара көрәше сурәтләнә. М.Гыйләжевтә Кара жаннар кешенең караңгы башлангычы, ә Бичура кешедә якты як булып тора. Шул рәвешле, төп герой Аксакның күңелендә ике башлангыч көрәшкән момент сурәтләнә. А.Батталова язганча, М.Гыйләжевнең «Бичура»сында ак һәм кара башлангыч көрәше йорт образына нисбәтле ачык күренә [3, с.81]. Шуларга бәйле рәвештә геройның реаль тормыштан, мифик дөньяга күчеп йөрүе, йортын жимерүгә алынган кара Шәүләләр белән каршылыгы тасвирлана. Кара жаннар тарафыннан жимерелгән, сарай капка-койманы итү күренешләренә автор шулай ук тирән мәгънә сала. Биредә драматург тоталитар режим шартлары хакында гына түгел, ә безнең бүгенге халәтебез хакында да сүз алып бара. Драманың сюжеты ижтимагый проблемалар – шәхес фажигасе алга куелуы белән үзенчәлекле. Аксак сүзләрендә мәсәлән, совет системасына карата булган тәнкыйди фикер чагылыш таба: «Аксак. ... Юкка яшәгәнбез, күрше, гомерне бушка сарыф иткәнбез. Кеше күңелләрендә калырлык изгелек кылмадык, тормышны чәнти бармак кадәр дә алга жибәрмәдек. Киресенчә, ул гел артка тәгәрәде, аска, адәм башы чыгалмаслык упкынга, өметсезлеккә...» [5, с. 61]. Утыз ел буена югалган бәбкәләрен эзләп йөрүче Күрше образында да сугыш алып килгән фажига, авылның хәерчелеккә төшүе дә, кешеләрнең саташу халәтендә гомер итүләре билгеләнә. “Яңа тормыш төзү идеясенә драматург тискәре бәя бирә: аның күнегелгән тәртипләрне жимерүен, кешеләрне саташтыруын, алдавын төп сыйфатлар дип аера” [7, с.60]. Үз геройларының психологик халәتلәре ярдәмендә драматург совет хакимиятенә һәм бүгенге көндә жәмгыяттә хөкөм сөргән эхлаксызлык, битарафлык кебек мәсәләләргә туктала. Мәсәлән, Бичураның мосафир кыяфәтендә килеп картның киленнәре белән ата-бабадан калган нигез хакында сүз алып баруы, Руфия белән Гөлнараның сәер кунакны аңларга теләмәүләре, акча, киём тәкъдим итүләре, Гөлнараның “картларны” жүләрләр йортына илтергә кирәк дигән фикергә килүе шуның ачык мисалы. Кимсетелгән Бичура шушы вакыйгадан соң бик озавк вакытка юкка чыгып тора. Кара шәүләләрнең киленнәр юган керләренә пычратып китүләре бүгенге кешеләрнең михербансызлыкларына, жан пычраклыгына ишарә итә. Бичура урнына чормага менеп утырган Аксакның жимерелеп төшүе, түбәсез калган йорт шулай ук игътибарга лаек. Жимерек өй дөнъяның жимерелүн, милләтнең юкка чыга баруын символлаштыра. Ул бушлык, ялгызлык, жимерелгән хыяллар билгесе генә түгел, ә йорт-нигез яссылыгында яшәшкә, жәмгыяткә, совет идеологиясенә тәнкыйди караш ташлана. Аксак белән Хатынның шул вакыйгалардан соң мәңгелеккә күчүләре, Кара жаннарның жиңүен белдерә. Кара жаннар кешелексез жәмгыятне дә белдереп килүче образ буларак кабул ителә. “Бичура шартлы-символик образы укучы алдына матурлыкка омтылыш, жан сакчысы, рухи яшәеш, иман билгесе, авырлыкны жиңөргә ярдәм итүче кебек архетипик сыйфатларга ия булып гәүдәләнә. Кара жаннар исә, аерым кеше тормышыннан башлап, милләт яшәешендәге ямьсезлек булып күзаллана. [12, с.32]. Ә.Закиржанов язганча: «Кеше күңелендә ике ягын – өмет һәм өметсезлек, яктылык һәм

караңгылык, яхшылык һәм явызлык, тугрылык һәм мәкер чагылышын тикшерү максат итеп куела. Кеше күңелендә мәңгелек көрәш бара. Үзара каршылыкта булган көчләрнең Якты ягы (Яхшылык) өстенлек алса, кешедә киләчәккә ышану, бәхеткә омтылыш баш калкыта, Караңгы ягы (Явызлык) жиңүе исә өметсезлек, ялгызлык, яшәешнең мәгънәсез-леге булып чагыла» [7, с. 60]. Күренә ки, драмада вакыты белән чарасызлык, көчсезлек, яшәүнең мәгънәсезлеге кебек мотивлар да яңгырап китә. Әсәрдә заман каршылыкларында адашып калган, сонрак үз асылына кайта алмыйча газапланган геройлар язмышы тасвирлана. Күренә ки, драмада фажигалелек категориясе дә шәхес ялгызлыгында, чынбарлык белән трагик каршылыгында чагыла. Жәмгыять кешене ялгызлыкка китерә, шәхес буларак юкка чыгара дигән фикер үткәрелә. Мифлогик образлар ярдәмендә гомумкешелек кыйммәтләре, яшәеш кануннарына бәйлә мәсәләләр күтәрелә. М.Гыйләжев үз әсәрен мифологик модельгә корып, мифологик образга таянып, үз образын тудыра.

3.Хәкимнең “Жен бутады” трагикомедиясендә татар милләтенең трагик халәте турында баян ителә. Пьеса да драматург женне дә авыр көннәр кичерүче мифик образ буларак кына түгел, ә киресенчә кешеләргә ярдәм итүче буларак чагылыш таба. Эчүчелеккә бирелгән Сәлманның автор хыялында бирелгән жен һәм Ай белән сйләшүләре, шул вакыйгалардан соң аның башка планетага китүе тирән мәгънәгә ия. Алимент түләүдән качкан геройга чит планетада аборигеннар ташланалар, тотып бәйлиләр. Татуировкалы абориген үзе дә Жирдән качкан Камил булып чыга. Алар арасында кыргыйланган тагын бер татар булуы ачыклана. Әмма бу кешеләр чит планетада да фикер бердәмлегенә килә алмыйлар, үзек проблемаларны хәл итә алмыйлар. Жен исә аларның хәлләрен белү максаты белән чит планетага килә. Ул жир йөзөндә урлау, талау киң таралган булуын, хәтта коммунистны кыйнаган өчен Камилгә медаль дә бирү ихтималы бар дигән фикерне үткәрә. Тик Женнең “...ил таркала. закон юк, тәртип юк, иман юк” дигән сүзләре геройларны шатландырмый. Камил “монда кеше ашаучылар барлыгын искәртә. Женнең “Сез әллә кайсы ерак йолдызларга очып китсәгез дә шул ук хәл булачак. Чөнки сез кемнәндер хакимияте астында яшәргә күнеккән кешеләр” дигән сүзләрендә автор фикере яңгыраш таба. Жирдәге кешеләрдән өмет өзеп Жен чит планетага китә. Журчева О.В. билгеләгәнчә: “Один из наиболее частых мотивов драмы абсурда – демонстрация бессилия” [6, с.78]. Әлеге билгеләмә исә югарыда караган әсәрләрдә тулысынча чагылыш таба. Вакыйгалар бирелешендә геройларның көчсезлеге, алар арасында бердәмлек булмау чагылыш таба. Күренә ки, ижтимагый-сәяси эчтәлекле әсәрләрдә драматурглар акылга сыймаслык вакыйгалар, ягъни абсурд алымы ярдәмендә бүткенгә яшәешебезгә бая бирәләр. Шулар рәвешле, тормыштагы явызлык, михербансызлык, эчке бушлык алдында яшәеш кыйммәтләренең иллюзия генә булуы калуына басым ясала. Сурәтләнгән дөнья чынбарлык фантастика һәм гротеск рәвешендә бирелә. Яшәешне яхшы белеп, авторлар хәзерге житди проблемаларны, замандашларының эш-гамәлләрен, эхлагын комедиячел конфликтларда ачалар. Хыялыйлык юлы ярдәмендә реаль тормышта булмаган сәер хәлләрдән торган яшәешне, уйлап табылган чынбарлыкны торгызалар. Милләт язмышы мәсьәләсе кискен фарс алымнарында ачыла. Әсәр белән таныша башлауга, ук аның характерлар бәрелешенә генә корылмавын, ә жәмгыятьтәге иң актуаль проблеманы калку итеп күрсәтү максат итеп куелганлыгы аңлашыла. Биредә заман алып килгән үзгәрешләр алдында кешенең еш кына көчсез булуы, жан тынычлыгы таба алмыйча, үз-үзе һәм әйләнә-тирәсендәгеләр белән каршылыкка керүе дә драматург игътибарынан читтә калмый.

Библиографический список

1. Арсланов Г. Еллык драматургия // Казан утлары. – 2006. – №
2. Әхмәдуллин А. Бүткенгә татар драматургиясенә кайбер үзгәрешләр/Мирас. – 2004. – №2. – Б. 88.
3. Батталова А.Д. Татар драматургиясендә йорт образының үсеш-үзгәреше (1960–2000 еллар): Монография / А.Д.Батталова. – Казан, 2009. – Б. 98.

4. Всемирная литература . 19 и 20 века ./Главн.ред. Володин В.А. - М.: Аванта ,2001.- С.449.
5. Гыйләжев М. Бичура / М.Гыйләжев. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2002. – 61 б.
6. Журчева О.В. Жанровые и стилевые тенденции в драматургии XX ВЕКА :Самара: Изд-во СамГПУ, 2001. –225 с.
7. Закиржанов Ә. Заман белән бергә / Ә.М.Закиржанов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2004. – 60 б.
8. Закиржанов Ә. Рухи таяныч. – Казан: Татар.кит.нәшр., 2011. – Б.43.
9. Закиржанов Ә.Яңарыш юлыннан. – Казан: татар.кит.нәшр., 2008. – Б.268.
10. Мифы народов мира. Энциклопеди. Том 1. – М.: Слветская энәиклопедия, 1991. – 671.с (173)
11. Свирегин. Р. Гасырлар чатында // Казан утлары. – 2002. – № 4. – Б.153.
12. Татар мифлары: ияләр, ышанулар, ырымнар, фаллар, им-томнар, сына-мышлар, йолалар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1996. – 203 б.
13. XX гасыр татар әдәбияты тарихы. – Казан: Казан университеты, 2011. –Т.2. – 198б. – Б.31.

СЕКЦИЯ 4. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

УДК 821.112.2

“THE NIBELUNGENLIED” IN THE FOLKLORE OF FAEROE ISLANDS

"ПЕСНЬ О НИБЕЛУНГАХ" В ФОЛЬКЛОРЕ ФАРЕРСКИХ ОСТРОВОВ

Лебедева И.В., Саракаева Э.А.

Хайнаньский университет, Китай
Астраханский Морской институт
irenalebedeva@mail.ru, 2689655292@qq.com

Lebedeva I.V., Sarakaeva E.A.

Hainan University, Haikou, China
Caspian Institute of Sea & River Transport

Аннотация.

Статья поднимает проблему духа средневековой германской эпической поэмы «Песни о Нибелунгах», который отражен в традициях Фарерских островов.

Ключевые слова: Песнь о Нибелунгах, Фарерские острова, эпическая поэма

Abstract.

The article raises the problem of the spirit of German medieval epic poem "The Nibelungenlied" which is reflected in the tradition of the Faroe Islands.

Keywords: The Nibelungenlied, the Faroe Islands, epic poem

Faeroe Islands are a group of eighteen islands belonging to Denmark since 1948. It is an autonomous region inhabited by approximately 50,000 people by now. The islands have a great number of cliffs and are enclosed by Scotland, Iceland and Norway. The population of these islands enjoy the same high standard of living as the rest of Scandinavians. What makes these islands special is an 800 hundred year-old culture of ballad singing and ring dancing, still vividly alive. The rich tradition of folklore ballads attracts the interest of literary scholars, medievalists and musicians.

By nowadays around 250 ancient ballads have been recorded here since 18th century, when the folk culture of Faroe first attracted scholarly attention. The verses are chanted by a leader standing in the middle of the ring of dancers who move round him and sing the refrain which follows each verse. The steps are simple - four to the left, two to the right - but with gestures and bodily movements, as well as with their voices, the dancers enact in mime the story of the ballad. There is no musical accompaniment. During the performance men and women alternately play the role of lead singers and dancers, and the ring joins them. This kind of “square dancing” presumably originated in medieval France, spread all over Europe but survived only in marginal regions [2]. Outside of the Germanic language family it is known in Balkans and in Greece.

The community dances are held on special occasions, for example, following a whale kill, around religious holidays, at New Year’s, and so forth. Lenora Tim suggests that the ring dance is metaphorical [5, 688], because dancers - with arms linked as they move, forming nearly parallel rows that wind back and forth through the dance-hall - may be said to symbolize the islands’ sinuous topography and the eddies and whorls of the surrounding waters. Moreover, as Jonathon Wylie and David Margolin see it, the dancers’ ring represents “the Faroese adaptation of large forms to a land of closely known neighbours and landscapes, the complex inward turnings of culture, and its tortuous sense of wholeness” [6, 12].

The ballads, partly Faeroese and partly Danish, have various contents: history, heroic legends, love, magic, social criticism, fairy-tale motifs. Even to the present day the popular tradition keeps such prominent medieval plots as the stories of Siegfried and the Nibelungs, Charlemagne and Roland, Dietrich von Bern and Tristan. The Faeroese ballads were kept alive by the geographical isolation of the islands. Moreover, they survived because they played a very important function - they saved the identity of the small Faeroese people during the Danish occupation and through the years that followed [2, 307].

Among the ballads of the Faeroe Islands, three groups of dance ballads roughly based on the Medieval German epic “The Nibelungenlied” [3] survived through the centuries:

- 1) **Sjurd-ar kvaed-i (Regir smid-i)**: ballads telling about the youth and adventures of Sigurd (Siegfried);
- 2) **Brynhildar táttur**: ballads about Brünhild and the marriage quest;
- 3) **Hogna táttur**: ballads about Hagen and death of the Nibelungs.

The texts of the comparable ballads exist in Norway, Iceland and Denmark (note for instance one of the most famous pieces, the Danish ballad “Grimhilds Hævn” retelling the demise of the Nibelungs [1]). But the original manuscripts of such ballads have vanished long ago along with the tunes and they do not exist in live folklore tradition, whereas the Nibelungen cycle of the Faeroe Islands is still danced and sung.

The Faeroese ballads recount the Nibelungen legend according to the Norse tradition, beginning with Sigurd’s youth and ending with the disaster at king Atli’s court, but the lyrics show considerable influence of German epic “The Nibelungenlied” (chiefly through the Norwegian “Thidreks Saga af Bern” as an intermediary). The performance of all the Nibelungen cycle takes approximately three hours.

Lockwood suggests that the epic ballad reached the Faeroe Islands in the 13th century, when the genre was cultivated in Norway, while a close connection existed between the Norway capital Bergen and the islands, at the time a Norwegian dependency [4]. The 14th and the 15th centuries were probably the classical period of the Faroese ballad, which places the ballads of the Nibelungen cycle among the very earliest of Faroese ballads. However, extraneous matter undoubtedly found its way into the texts as now known, notably verses from an account of Sigurd’s meeting with a dwarf’s daughter which originally belong to a separate ballad “Dvørgamoy” (“Dwarf Maiden”) [4, 270].

As we have pointed above, with a run of almost seven hundred years or so, Nibelungen ballads in the Faeroe Islands remain as popular as any comparable work of art. Danish priest H.C. Lyngbye who was one of the first to start collecting the ballads at the Faeroe Islands describes them as great favourites of the locals. Names and characters of the ballads entered the everyday thesaurus

of the Faeroe people and served as a material for proverbs and poetic tropes. For example, the name *Regin* was used figuratively for a deceitful workman. Quotations from the poems could be heard in ordinary conversation, for example Gudrun's words:

*"Elska hann sum annar eigur,
tað man lukkast valla".*

("Love for someone another possesses-that can bring no luck")

Her solicitude for Grani, Sigurd's horse, after the death of his master, was held up as a model for the considerate treatment of animals:

*"Tað er satt, sum talað er,
mong er konan eym;
Gudrum gongur um allan beim,
hon beldurí Grana teym".*

("It is true, as they say, many a woman is pitiful; Gudrun wanders through the wide world, holds fast to Grani's rein).

On his visits to the Faeroe Islands at the end of 20th century, Lockwood stayed at Josefina Poulsen's house on Hestur. Josefina, a poor widow in her sixties, was well-versed in the unwritten literature of the Faroe Islanders and was a remarkable dancer and singer of the ballads, of which the stories of Gudrun and of Sigurd's death were her favourites. While chanting the lyrics, she grieved with Gudrun and sighed over Sigurd cruelly murdered in the woods. While listening to the ballads the scholars "realised we were listening to a voice from the Middle Ages, the authentic voice of the thirteenth century, echoing the Nibelungenlied" [4, 271-272].

Thus, for the people of the Faeroe Islands the medieval epic ballads still represent life tangibly and credibly. It may be truly said that not only the fabric, but equally the spirit of "The Nibelungenlied" tradition lives on longest in the Faroe Islands where, in exceptional isolation, almost stationary social conditions favoured the continuation of an artistic form from the distant past.

References

1. Borrow George Henry. Grimhild's Vengeance: Three Ballads. NY: Creatspace, 2014.
2. Eder Annemarie, Müller Ulrich. Faeroe Islands // The Nibelungen Tradition. An Encyclopedea. NY and London: Routledge, 2002. Pp. 306-307
3. Das Nibelungenlied. Ed. Helmut de Boor // Deutsche Klassiker des Mittelalters, 17th ed. - Wiesbaden, 1963.
4. Lockwood W.B. The Nibelungen Tradition in Faroese // German Life and Letters. Vol. 32. Issue 4 (1979), Pp. 265-272.
5. Timm Lenora. The Ring of Dancers: Images of Faroese Culture. Symbol and Culture Series. Review. // American Anthropologist Vol. 84, issue 3 (1982), Pp. 688-689.
6. Wylie Jonathan, Margolin David. The Ring of Dancers: Images of Faroese Culture. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1981.

СЕКЦИЯ 9. РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 81.

КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ КЛАСС МЕСТОИМЕННЫХ ГЛАГОЛОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

THE CATEGORIAL CLASS OF THE PRONOMINAL VERBS IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Куншина В.С.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия
kunshiver@gmail.com

Kunshina V.S.

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

Аннотация.

Статья посвящена категориальному классу местоименных глаголов в русском языке. Традиционная морфология не выделяет местоименные глаголы, несмотря на то, что соответствующий класс слов в языке есть. В данной статье местоименные глаголы представлены в виде системы, класса, имеющего полевою устроенность: ядро, приядерную зону и периферию.

Ключевые слова: глаголы с местоименной семантикой, местоглаголия, местоименные глаголы, функциональная морфология, категориальный класс

Abstract.

The article is about the categorical class of the pronominal verbs in the modern Russian language. The traditional Russian morphology doesn't speak about pronominal verbs although this class exists in our language. In this article proverbs are shown as a system with its own structure (the core, the circumnuclear area and the periphery).

Keywords: verbs with pronominal semantics, proverbs, pronominal verbs, functional morphology, categorical class

Вопрос о наличии местоименных глаголов как самостоятельной части речи спорен и неоднозначен. Но соответствующее явление в русском языке есть, доказать его наличие призвана данная статья.

Мы будем называть анализируемый класс слов «местоименными глаголами», хотя существуют и другие термины: «местоглаголие», «местопредикативы», «глаголы с местоименной семантикой» [3, с. 217], «дейктические глаголы» [8, с. 34].

Местоимения не именуют предметы, признаки или действия, но указывают на них. Система местоимений тесно взаимодействует с другими частями речи. Так, выделяют местоимения-существительные, местоимения-прилагательные, местоимения-числительные, а также местоименные наречия. Но традиционно не выделяют местоименные глаголы. Однако о них упоминает Н.Ю. Шведова, называя «дейктическими» [8, с. 41]. Этот термин напрямую связан с функциями местоимений: 1) дейктическая – указание на условия речевого акта; 2) анафорическая – отсылка к сказанному ранее; 3) катафорическая – соотнесение с тем, что еще будет сказано; и 4) квантитативная – выражение количества.

Мы же склонны понимать местоименные глаголы шире, чем просто «дейктические». Если расположить все существующие в русском языке глаголы между условными полюсами «полнозначность – местоименность», то все слова, не принадлежащие полностью к первому, очевидно, сделали шаг ко второму. Поэтому мы, помимо собственно местоименных глаголов, частично рассматриваем и называемые «неполнозначными» лексемы (термин Г.А. Золотовой). Под «полнозначностью» мы, вслед за Г.А. Золотовой, понимаем возможность глагола самостоятельно выполнять функции предиката. Неполнозначные глаголы функционируют как связочные, выражая модальное значение или фазу развития действия.

Как и любая часть речи, местоименные глаголы имеют полевою структуру: ядро, приядерную зону и периферию. В ядре находится глагол *делать*, в приядерной зоне – глаголы, образованные от собственно местоименных (дейктических) корней: *этовать*,

разэтовать, переэтовать и др., а также единицы обценной лексики. На дальней периферии – неполнознаменательные глаголы-экспликаторы.

Мы не настаиваем на присвоении местоименным глаголам статуса части речи, но определяем их как категориальный класс слов (ККС). В основе понятия «ККС» (М.В. Всеволодова, Ф.И. Панков) лежит концепция Ф.Ф. Фортунатова, развитая его последователем М.В. Пановым. «Категориальные классы слов являются более конкретными и частными морфологическими разрядами по отношению к частям речи как к более общим грамматическим суперклассам» [4, с. 65]. Теория ККС призвана обозначить и доказать гибкость системы языка, отсутствие четких границ и рамок.

Обратимся последовательно к каждому относимому нами к местоименным глаголам явлению. И начнем с ядра – глагола *делать*. В вопросительных конструкциях глагол *делать* замещает по смыслу полнознаменательные глаголы. Так, ответом на вопрос *Что ты делаешь?* может быть: *Пою/Танцую/Готовлю/Сплю...* Этот ряд можно продолжить. Подобную функцию данный лексико-семантический вариант (ЛСВ) глагола *делать* выполняет и в повествовательных предложениях: *Иван танцует. Он делает это великолепно.* И в побудительных: *Сделай это!* Глагол *делать* имеет, таким образом, не только ЛСВ ‘производить, создавать’ (например, *делать фигуры из дерева*), но и выступает в роли заместителя глагола. Аналог есть и в английском языке (*to do*): *What are you doing? – I’m singing/dancing/cooking/sleeping...* Ср.: *I did my homework.*

Логично было бы отнести к ядру и связанные с данным ЛСВ глаголы: *творить, совершать, поступать*. Но эти лексемы имеют гораздо больше исключений в употреблении, чем ядерный. Возможно высказывание: *Что ты творишь?* (хотя оно применимо только в определенных ситуациях: адресант недоволен производимыми адресатом действиями). Но неверно будет: **Вася поет, он творит это хорошо.* Таким образом, функция собственно заместителя глагола (местоглаголие) выполняется нерегулярно.

Глаголы, образованные от дейктических корней: *перетогокаться, этовать, стогокавать и др.* – употребляются, как правило, в случаях, когда говорящий забывает нужное слово, следовательно, выполняют функции нужного полнознаменательного глагола, замещают его. Важным условием употребления является единая для адресата и адресанта коммуникативная ситуация, только тогда возможно понимание и раскодирование информации.

Например: *У нас мало времени: всего полчаса, чтоб приэтовать.* Мы не знаем ситуацию, контекст. В данном случае «*приэтовать*» может значить все что угодно: «приехать», «приготовить», «припрыгать», «приколоть»... – на этом месте может быть любой невозвратный глагол совершенного вида с приставкой *при-*. Отличен случай, когда ситуация нам известна: *Мы одевались рядом. Он куртку надел и шарф заэтовал.* Очевидно, что говорящий имеет в виду «завязал» или «замотал». Это понятно из условий речевого акта, а также из сочетаемости глагола.

Кроме того, глаголы, образованные от дейктических корней, могут выполнять также функции эвфемизмов, т.е. использоваться вместо нецензурной лексики. Также данные лексемы иногда используются в художественных текстах как один из способов речевой характеристики персонажа: подчеркивают диалектные особенности героя. Например, подобное явление наблюдается в повести «Детство» Максима Горького: «Я тебя тогда *перетово*, брат».

На дальнюю периферию мы относим глаголы-экспликаторы (термин Т.В. Шмелевой), или компенсаторы (термин Г.А. Золотовой), которые не имеют определенного лексического значения, вся семантика заключена в существительных, как правило, абстрактных или событийных, с которыми экспликаторы образуют предикат: *испытывать волнение – волноваться; испытывать нужду – нуждаться; испытывать восторг – восторгаться, произвести ремонт – ремонтировать; произвести вычисление – вычислять.*

Итак, местоименные глаголы составляют особый категориальный класс с полевой устройственностью. Ядро поля составляет глагол *делать*, приядерную зону – глаголы-дериваты

собственно местоимений (дейктические корни): *этовать, перээтовать, сэтовать* и др. Несмотря на то что данные единицы представляют просторечные лексемы, они существуют в системе языка. Отрицать этот факт невозможно. Далее – единицы обценной лексики. И на дальней периферии – глаголы-компенсаторы как сделавшие шаг в сторону местоименности.

Выделять ли местоименные глаголы самостоятельной частью речи? – вопрос по-прежнему остается открытым. Мы полагаем, нет. Элементы слишком разнородны, а употребление нерегулярно. Однако местоименные глаголы имеют право быть выделенными в самостоятельный категориальный класс, отдельную группу, отличную от полнозначительных (акциональных, движения, речи, мысли...) глаголов, и отрицать соответствующее явление русского языка невозможно

Библиографический список

1. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. – М., 2000.
2. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 2004.
3. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. Учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов. – М., 1975.
4. Панков Ф.И. Функционально-коммуникативная грамматика русского наречия Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М., 2009.
5. Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т.2 / Под ред. Е.А. Земской, С.М. Кузьминой. – М., 2007.
6. Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. – М., 1999.
7. Русский семантический словарь (п/ред. Н.Ю. Шведовой). – М., 1998.
8. Шведова Н.Ю. местоимение и смысл. Класс русских местоимений открываемые ими смысловые пространства. М., 1998.

УДК 378.147:811.161.1

РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЙ ТЕСТ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

PLACEMENT TEST: THEORY AND PRACTICE

Фатина А.В., Шутова Т.А.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург
tashutova@gmail.com

Fatina A.V., Shutova T.A.

St.-Petersburg State University, St.-Petersburg

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные вопросы проведения распределительного теста по русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, тестирование, распределительный тест

Abstract

The article deals with topical issues of placement test of Russian as a second language.

Keywords: Russian as a second language, testing, placement test

В настоящее время вопросы разработки тестов, тестовых материалов, проведения тестирования привлекают всё больше внимания.

Как известно, существуют различные цели и задачи тестирования: для распределения по группам (placement test), для определения степени усвоения материала (progress test), для

оценки успехов (achievement test), для определения уровня знаний иностранного языка вообще (proficiency test).

В данной статье мы остановимся лишь на одном из видов тестов – распределительном и обратимся к практике его создания и проведения в Институте русского языка и культуры Санкт-Петербургского государственного университета. Интерес именно к данному виду тестов обусловлен спецификой обучения в ИРЯКе, куда приезжают изучать русский язык как иностранный слушатели из разных стран с абсолютно различным уровнем языковой подготовки. Следует отметить, что курс обучения в ИРЯКе разделён на так называемые модули, которые соответствуют различным уровням сформированности языковой компетенции - от нулевого до С1. Новые группы формируются только из тех, кто начинает изучать русский язык с нуля, а те, кто где-то когда-то сколько-то времени изучал язык, вливаются в уже существующие группы. В связи с этим остро стоит вопрос как можно более точного определения исходного уровня владения русским языком как иностранным каждого нового слушателя. Для этого и используется так называемый **распределительный тест**, или, как его ещё иногда называют, **тест размещения**. С помощью этого теста проверяется знание лексики, грамматических правил, правил чтения и письма, понимание иностранной речи на слух, а также навыки говорения. Отметим, что в ИРЯКе распределительный тест проводится не онлайн, а в аудитории при непосредственном контакте преподавателя и студента, что даёт возможность оценить не только языковые, но и речевые умения и навыки.

В процессе создания распределительного теста были проанализированы Интернет-ресурсы, а именно сайты 100 различных российских и зарубежных языковых школ и курсов, предлагающих обучение различным иностранным языкам. Обращение к Интернет-ресурсам обусловлено невозможностью получить образцы распределительных тестов при обращении непосредственно в ту или иную школу, поскольку данная информация является закрытой. Как оказалось, все имеющиеся онлайн-тесты на определение уровня владения иностранным языком можно разделить на три группы:

1. Тесты по уровням, т.е. на сайте представлено несколько тестов разных уровней (как правило, от уровня А1 до уровня В2), и желающему начать обучение предлагается сначала самому выбрать уровень, а затем пройти соответствующий тест.
2. Тесты, которые не разделяются по уровням. Т.е. кандидату предлагается пройти единый тест, в который включены задания разного уровня сложности (как правило А1 – В1/реже В2).
3. Тесты, где в описании четко обозначено, что сложность вопросов нарастает от уровня А1 к более высоким уровням. Данный тип тестов практически совпадает с тестами группы 2. Отличие состоит только в том, что кандидату предлагается выполнить сразу задания всех уровней, или же в четкой формулировке описания того, что испытуемому предстоит сделать.

В ИРЯКе в качестве эксперимента проводились тесты 1-ой и 2-ой групп, описанных выше. Исследование показало, что более надёжными и валидными являются тесты 1-ой группы, т.к. в них представлены задания, направленные на проверку именно тех навыков и умений, которые соответствуют стандартам и программам конкретного уровня. Что касается тестов 2-ой группы, то при их апробации выяснилось, что 46% кандидатов справляются с простыми и сложными заданиями, а задания среднего уровня сложности не в состоянии выполнить, что делает невозможным определение уровня кандидата. Именно поэтому в настоящее время на практике применяется распределительный тест по уровням: от уровня А1 до С1. Выбор теста того или иного уровня определяется преподавателем после небольшой беседы (что уже является частью распределительного теста по аспектам говорение и аудирование), в ходе которой выясняется, где и сколько времени кандидат изучал русский язык, задаются вопросы, касающиеся учёбы, работы, интересов. Кроме того, кандидат заполняет небольшую анкету, где представлены вопросы, ответы на которые требуют не просто понимания и однозначного ответа, но и более полного и развернутого высказывания, тем самым проверяются навыки письменной речи, о чём кандидат не догадывается. Затем кандидату предлагается небольшой лексико-грамматический тест,

состоящий из 50 вопросов. Это так называемый тест множественного выбора (multiple-choice test), где задачей испытуемого является выбрать один правильный ответ из нескольких вариантов. Использование данного вида теста обусловлено тем, что он обладает очевидными преимуществами, среди которых: надёжность измерения, экономичность и быстрота. К недостаткам можно отнести трудность составления методически грамотного теста и вероятность догадки при выборе правильного ответа. Самая же большая трудность при подготовке подобных тестов заключается в поиске неправильных отвлекающих ответов, или дистракторов (distractors), которые должны выглядеть максимально правдоподобно. Правильность выполнения лексико-грамматических заданий проверяется по контрольной матрице, которая накладывается на рабочую матрицу. Затем, учитывая результаты устной беседы и письменных заданий, преподаватель даёт рекомендации по определению слушателя в группу соответствующего уровня и модуля обучения.

Из многолетнего опыта проведения распределительного теста по РКИ в ИРЯКе СПбГУ следует, что при приёме новых слушателей нельзя ограничиваться только лексико-грамматическим тестом для определения их уровня знаний, жизненно необходимым является устное собеседование, которое позволяет корректировать результат лексико-грамматического теста в сторону понижения или повышения модуля обучения.

Распределительный тест: тест, используемый для формирования учебных групп с учетом уровня языковой подготовки учащихся.

(Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). — М.: Издательство ИКАР. Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. 2009)

Библиографический список

1. Балыхина Т.М. Основы теории тестов и практика тестирования (в аспекте русского языка как иностранного). Третье издание. - М., 2006. - 240 с.
2. Клобукова Л.П. Коммуникативная компетенция как объект тестирования. //Конструирование педагогических тестов по русскому языку как иностранному. Материалы конференции. ЦМО МГУ им. М.В.Ломоносова 15-16 апреля 2003. – М., 2003. – 116 с.
3. Коккота В.А. Лингводидактическое тестирование. - М., 1989. – 123 с.
4. Стародуб В.В. Лингвометодические основы тестов по русскому языку как иностранному. //Конструирование педагогических тестов по русскому языку как иностранному. Материалы конференции. ЦМО МГУ им. М.В.Ломоносова 15-16 апреля 2003. – М., 2003. – 116 с.
5. Bachman, L. F. Communicative Language Ability: Fundamental Considerations in Language Testing. - Oxford University Press, 1990.

УДК 81-25

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

PROBLEMS OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF YOUTH SLANG IN MASS-MEDIA

Перепелицына Ю.Р., Чеккуева Л.Х.

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь
chekkueva.leyla@mail.ru

Аннотация.

В данной статье освещаются проблемы речевого использования сленга, вскрываются причины проникновения данной лексики в язык.

Ключевые слова: сленг, разговорная речь, лексическая система

Abstract.

This article highlights the challenges of using speech slang opened causes the penetration of the vocabulary in the language.

Keywords: slang, colloquial speech, lexical system

Сленг или жаргон формируют значительную часть разговорной речи, играющий огромную роль в исследовании языка. Наибольший интерес вызывает сленг молодежной субкультуры как наиболее активная часть лексической системы языка, которая отображает значимые социальные и культурные изменения в обществе.

В современной лингвистике не существует общего мнения об определении и соотношении понятий «жаргон» и «сленг». Для англоязычной лингвистики присуще разграничение терминов «жаргон» и «сленг». В языкознании принято употреблять понятие «сленг» для выражения некодифицированного языка. На сегодняшний день в словарях встречается как минимум два основных толкования слова «сленг». Во-первых, особая речь подгрупп или субкультур общества, и, во-вторых, лексика широкого использования для неформального общения [1, с. 5].

В отечественной лингвистике толкование этих определений еще более неоднозначно. Л.И. Антрушина, И.В. Арнольд, С.А. Кузнецова не разграничивают жаргон и сленг как два разных явления в языке. Они трактуют эти термины как язык социально и профессионально обусловленной группы, а также элемент речи, которая не совпадает с нормой литературного языка [2, с. 55-56; 3, с. 84]. Таким образом, сленг противопоставляется литературной норме. В.Н. Ярцева в своей терминологии сленга называет его комплекс жаргонизмов, которые используются в различных социальных группах [4, с. 15].

И.Р. Гальперин, напротив, разделяет определения сленг и жаргон. Он указывает на то, что жаргон представляет собой кодовую систему, соответствующее определенное словарное значение и имеет социальную, а не местную принадлежность. Сленгу же, в отличие от жаргона, необходима трактовка. Он не является засекреченным кодом. Его без трудностей понимают люди, говорящие на данном языке-коде, но воспринимающие использование этих слов и выражений как что-то не совсем обыденное или же как «извращение нормального языка». Жаргонизмы могут переходить из одной социальной категории в другую и со временем даже становиться нормой литературного языка. Жаргон может стать сленгом, так как он переходит из определенного круга в общеупотребительный, следовательно, меняет свою «таинственность и засекреченность». Жаргонизмы различаются ещё тем, что имеют свое определенное место в обществе, поэтому легко классифицируются по данному признаку [5, с. 43].

Но в данной работе мы будем рассматривать термин «сленг» как синоним слова «жаргон», означающий социальную разновидность речи, которая дает характеристику специфической лексики и фразеологией, а также особым употреблением словообразовательных средств. Исследуя сленг молодежной субкультуры, мы можем проанализировать все явления, которые характерны как для самой молодежной коммуникативной среды, так и для устной коммуникативной среды в целом, раскрыть функциональную нагрузку сниженной лексики.

Представляется возможным случай выделить несколько причин использование сленга. Во-первых, стремление людей контактировать друг с другом, оставаясь непонятыми для остальных. Другая причина заключается в тенденции речевой выразительности, которую

трудно достигнуть, используя исключительно литературную лексику. По мнению ведущих лингвистов, третьей причиной языкового различия между поколениями является ускоренный темп жизни, за которым наше старшее поколение не успевает. Появление компьютеров, планшетов, мобильных телефонов с сервисом SMS, электронной почты, интернет-чатов, социальных сетей содействует тому, что в языке молодежи мы все чаще наталкиваемся на простые вербальные конструкции, с помощью которых можно максимально быстро передать свою мысль, что зачастую вызывает критику со стороны. Обобщение опыта изучения языка молодежи, проводимого как отечественными, так и зарубежными лингвистами, позволит выработать подходы к изучению данного феномена в рамках лингвоэкологии.

Исследование языкового своеобразия молодежи позволяет выявить тенденции формирования и развития сленговых установок, проконтролировать динамику и статистику всей языковой картины в средствах массовой информации.

Компьютерный мир формируется и наполняет русский язык новыми определениями, добавляются совершенно новые значения к уже известным терминам. В то же время интернет развивает особую среду формирования неологизмов, представляющих собой не только компьютерную терминологию, которая непосредственно связана с интернетом, но и сленговые формы языка, создаваемые в процессе общения пользователей Сети. В газете «Капитал» были предоставлены интересные сведения: «с появлением на отечественном рынке в середине 80-х годов персональных компьютеров и выходом в 1988 году поначалу на 100% переводного журнала "PC World", ставшего очень популярным, произошёл "обвал": англоязычные термины и аббревиатуры, зачастую в английском же написании, заполнили страницы журналов и засорили речь специалистов» [6, с. 8-10]. Наряду с профессиональным языком программистов бурно формируется специфический сленг людей, увлекающихся вычислительной техникой и различными виртуальными играми. Способы формирования сленга в компьютерной среде разнообразны и специфичны. Для большинства сленговых систем наиболее результативным оказался способ метафоризации. Например, «шланг» - широкий кабель для соединения устройств; «блин» - компакт-диск, с которого компьютер считывает все данные; «реаниматор» - программа, восстанавливающая файлы.

Буквально недавно общение в интернете было предназначено для деловых целей двух или нескольких личностей, но на данный момент общение в Сети приобретает массовый характер, объединяя людей по интересам, способствуя формированию и развитию межличностных отношений. Общение стало намного доступнее и дешевле, а для быстрого обмена информацией было разработано немало средств: различные интернет-форумы, интернет-чаты, видео-сообщения, форумы, мессенджеры, социальные сети, гостевые книги, телеконференции или группы новостей.

Пару десятилетий нельзя было предположить, что такое явление как «молодежный сленг» сможет завоевать средства массовой информации. Изучение сленга данной субкультуры в языке СМИ представляет собой важную задачу. В первую очередь это связано с тем, что СМИ в процессе передачи определенной информации влияют на развитие человека, его мышление, мировосприятие и на культурные, социальные отношения между индивидами. Современный язык СМИ редко соблюдает нормы и правила литературного языка. Здесь мы можем встретить использование сленговых слов, которые чаще всего употребляются сленг бессознательно. Так как аудитория, которая охватывает СМИ, является колоссальной, то в массовом сознании большинства фиксируются «оговорки» корреспондентов, известных политиков, деятелей культуры и т.д. Самым ярким представителем в СМИ, «говорящим на сленге», является молодежный еженедельный журнал «Молоток». Основная цель подобных журналов, газет - общение с определенной аудиторией на ее языке. Журналисты, редакторы пытаются использовать в своих работах такие особенности разговорного синтаксиса, как «рваные» фразы, сбивчивость речи, обилие оценочных конструкций («отстой», «улет»), различных вводных слов («прикинь», «офигеть»), сленговые междометия («уау», «ничесе», «бла-бла») [7, с. 4-14]. Разумное

использование сленговых слов в средствах массовой информации связано со стремлением быть ближе к читателю, зрителю, слушателю, личности. Так, чтобы все высказывания, выступления были понятны большинству аудитории. Иногда адресат воспринимает данные тексты как образец речевого этикета и в дальнейшем использует в своей речи.

Изначально сленговые слова и выражения молодежной субкультуры мы могли встретить только в таких молодёжных выпусках, как «Птюч», «Юность», «Пионерская правда», «Яоск-Фуз». Например, в журнале «Птюч» сленг «колбаситься» означает ощущение сильного физического дискомфорта, при котором человек теряет способность владеть собой: "Не пей больше трех чашек, - предупредила меня подруга, - будет колбасить." [8, с. 11]

Сейчас подобными выражениями и словами «пестрит» вся желтая пресса, которая адресована широкому кругу читателей различных возрастов; сленг или жаргоны звучат по телевидению, а также имеют широкое употребление в Интернете, а именно в молодёжных чатах и в молодёжных социальных сетях. «Образ сленга буквально захлестывает СМИ» [9, с.157].

Сленг стремительно охватывает язык прессы. Большинство материалов, где описывается жизнь молодых, успешных личностей, их взгляды, вкусы и интересы, предпочтения в моде и т.д., включают в себя сленгизмы в большей или меньшей степени концентрации. Особенно печатные СМИ отображают, насколько быстро развивается и меняется состояние современного языка и культуры. Та сленговая лексика, которая популярна сегодня среди молодежи, попадает в СМИ. Данные средства массовой информации изображают наиболее полную картину молодёжного сленга, по которой можно определять состояние языка.

Стоит ли вообще запрещать употребление сленга? По-моему, все не так уж и страшно. Лингвисты относятся к таким запретам не всегда положительно. Язык – это живой организм, который никогда не будет подвержен никаким регламентациям. Сленг существует уже много лет, но за это время так и не стал частью классического языка, хотя отдельные «удобные» слова постепенно входят в его состав. «И все, что можем сделать мы, преподаватели, это на своих лекциях давать какие-то рекомендации», - говорит Анастасия Николаева, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ.

Библиографический список

1. Международный словарь "Pocket Oxford Dictionary March". 1994. 267 с.
2. Антрушина Г.Б. Стилистика современного английского языка. СПб., 2002. 289 с.
3. Кузнецова С.А. БТС русского языка. СПб., 2000. 304 с.
4. Ярцева В.Н. Языкознание // БЭС. М., 1998. 23 с.
5. Borneman E. Sex im Volksmund. Der obzone Wortschatz der Deutschen. Hamburg, 1974.
6. Вострякова Л. Язык рынка // Капитал. 1996.- №14. 290 с.
7. Молоток. - 2004. - № 37. 32 с.
8. Щедрина Н. Кофемания: каппинг, бариста и робуста. И еще либерри // Птюч. - 2000. - № 6 - 45с.
9. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. СПб.: Златоуст, 1999. 320 с.

СЕКЦИЯ 12. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 812

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АВСТРИЙСКИХ ДИАЛЕКТИЗМОВ В СОВРЕМЕННОЙ АВСТРИЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ

**AUSTRIAN DIALECTISMS FUNCTIONING IN MODERN AUSTRIAN FICTION
AND PUBLICISM**

Аннотация.

Анализируются частотность и области употребления австрийских диалектизмов в текстах художественной литературы и в статьях австрийских газет за период 1991-2000 гг. Анализ найденных лексических единиц позволяет также определить функции их употребления.

Ключевые слова: диалектизм, немецкий литературный язык, Вертлиб, употребление, функция, художественный, публицистический дискурс.

Аннотация.

In the article frequency and Austrian dialectisms usage in texts of fiction and articles of Austrian newspapers over a period of 1991 to 2000 are analyzed. The analysis of found lexical items let determine functions of their performance.

Keywords: dialectism, High German, Vertlib, usage, function, fiction, publicistic discourse.

Диалекты как форма существования языка часто противопоставляются национальной форме языка (Nationalsprache), тогда как национальному языку, в свою очередь, также противопоставлен обиходный вариант языка (Umgangssprache). О природе диалекта и его соотносительности с национальным языком часто ведутся споры. Но по справедливому замечанию В.А. Чукшиса, диалекты являются престижной формой существования языка и все чаще используются в повседневном общении в качестве «домашнего», «семейного» языка, проникают в общественную жизнь через печать, радио, телевидение [4]. Диалекты также обладают отличительными особенностями. У. Аммон выделяет следующие: 1) диалект представляет собой языковую разновидность (Varietät) стандарта в противоположность дистантному языку (Abstandsprache), существующему обособленно; 2) имеет узкорегionalный характер; 3) не стандартизирован и существует только или преимущественно в устной форме [1, с. 42].

Несмотря на тот факт, что вершину языковой парадигмы в Австрии образует немецкий литературный язык, следует отметить, что он выступает здесь в австрийском варианте, для которого характерны специфические структурно-нормативные особенности на всех языковых уровнях. Например, различия на *фонетическом уровне* - оглушение слабых согласных [b], [d], [g], [z] в начальной и интервокальной позициях, ср.: so - австр. [so:], собств. нем. [zo:];

- реализация начального ch перед e, i в некоторых словах иноязычного происхождения как взрывного [k], ср.: Chemie, China - австр. [ke'mi], [kina], собств. нем. [çe'mi:], [çina];

- произношение конечного g в суффиксе -ig как слабого взрывного [g], ср.: wenig - собств. нем. [ve:mç], австр. [ve:mg].

В *словарном составе* немецкого литературного языка в Австрии явления дивергентности наиболее яркие и значительные. Они представлены, прежде всего, большим количеством австрийски маркированных *гетеронимов* - специфических для данной страны наименований, которые по своей материальной оболочке отличаются от обозначений того же денотата в собственно немецком варианте литературного языка (собственно лексические диалектизмы), ср.: австр. Marille, / (< итал.) - собств. нем. Aprikose, / (< нидерл.); австр. Obers, n - собств. нем. Sahne, /; австр. Karfiol, m (< итал.) - собств. нем. Blumenkohl, m; австр. Paradeiser, m - собств. нем. Tomate, /; австр. Matura, / - собств. нем. Abitur, n; австр. Erlagschein, m - собств. нем. Zahlkarte („Formblatt für Einzahlungen auf Postämtern"); австр. Topfen, m - собств. нем. Quark, m. Как видно из приведенных примеров, австрийски маркированные

гетеронимы охватывают разные тематические группы лексики, хотя наиболее многочисленны они в группах, связанных с бытом, с кулинарией, названиями продуктов питания, блюд, сельскохозяйственных культур. Они могут быть охарактеризованы как лексико-семантические аналоги. В рамках общей макросистемы немецкого литературного языка (охватывающей в идеале все его варианты) лексические австрицизмы выступают по отношению к эквивалентным им словам в других немецкоязычных странах, как национально маркированные синонимы, облеченные определенной стилистической функцией.

На *словообразовательном* уровне можно обнаружить следующие особенности:

- частотность употребления суффиксов -chen, -lein (Brüderchen, Liedchen);
- суффиксы -l, -erl, -el также со значением диминутивности (типа Bankel/Bankl, Bärtl, Kammerl);

- *словосложение*: наличие/отсутствие соединительного элемента (собств. нем. Visitenkarte - австр. Visit-karte, собств.нем. Fabrikviertel - австр. Fabrik-s-viertel) и др. [2, с. 83-86].

Опираясь на роман В. Вертлиба «Zwischenstationen», мы выделили следующие виды диалектизмов, наиболее часто использующихся в художественном дискурсе, и проследили частотность их употребления: *собственно лексические* (совпадающие по своей материальной оболочке с соответствующими лексемами собственно немецкого варианта, но отличающиеся от последних по своей семантике): die Haube (в значении 'Mütze'), der Mist (в значении 'Müll'); *этнографические* или безэквивалентная лексика: das Leibchen (в значении 'eine Art Brötchen'), die Klomuschel (в значении 'Toilettenbecken') и *словообразовательные*. Стоит отметить, что собственно лексические диалектизмы доминируют в авторской речи над другими видами.

Найденные австрицизмы можно также классифицировать по следующим критериям:

I Морфологический (частеречный)

Если разделить диалектизмы по частям речи, то примерное процентное соотношение будет такое: - существительные - 63 %

- глаголы – 15 %
- прилагательные и наречия – 20 %
- прочее – 2 %

II Семантический

1. Предметы одежды: die Haube

2. Еда и напитки: das Laibchen, das Kraut, der Kaffee, die Praline

3. Предметы домашнего обихода: die Klomuschel, der Mist, die Vorhänge, der Knopf.

4. Бизнес, работа: der Wagen, das Gehalt, die Zeremonie.

Австрицизмы нередко используются и в языке СМИ. Основные функции публицистического стиля – информационная и агитационно-пропагандистская, которые реализуют политическую информацию для идеологического воздействия на массы с целью формирования общественного сознания и побуждения их к активным действиям [4, с. 46]. Материалом исследования послужила электронная версия австрийских газет за 1991-2000 гг, таких как "Tiroler Tageszeitung", "Die Presse", "Salzburger Nachrichten".

Проследив частотность и область употребления найденных единиц в австрийских газетах, мы пришли к следующим выводам:

1) частотность употребления словообразовательных диалектизмов составляет примерно 60 %, что гораздо больше по сравнению с употреблением в художественной литературе. Например, "Natürlich bin ich vollauf zufrieden, aber diese sechs Hundertstel tun schon weh", sagte das sympathische Mädlel offen»; «Sachpreise, viel Spaß und Würstel beim Küchenfest»[8].

2) область употребления варьируется от Kultur до Innenpolitik: «Asiatika im Dorotheum: "ungenauere Zuschreibungen" oder "Mist"?»; «Als ein fünfjähriger Bub aus Gschnitz auf der Landesstraße taleinwärts ging» [6; 8] и др.

Проведя сравнительный анализ найденных лексических единиц, мы смогли выделить следующие функции введения австрицизмов в контекст художественного и публицистического дискурса:

1) функция *создания локального колорита* помогает воссоздать местную атмосферу, часто используются исконно австрийские реалии: «Der Trugschluß: Als Streiter in der 59. Minute Raschid Rachimow am *Leibchen* hielt und dafür die gelbe Karte kassierte, sah Hrubesch rot».

2) *эмоционально-экспрессивная*: «Ich musste an die trostlosen Wohnungen und die vielen Menschen denken, die mich als „*Tschusch*“ und Ausländerbub beschimpft hatten». „*Tschusch*“ выражает презрительное отношение австрийцев к представителю славянского, южно-восточно-европейского народа.

3) *идентифицирующая*. Например, *Grüß Gott* является одной из форм приветствия в Австрии, поэтому можно сделать вывод о том, что диалог ведут австрийцы, или речь идет об Австрии: «Und schlußendlich, was ist denn eigentlich aus unserem früheren "*Grüß Gott*" geworden? Ist das verbildete Adieu (frz.) als "tschüss, tschau" oder amerik. "hello" noch bodenständig für unser Land?» [8].

Библиографический список

1. Копчук Л.Б. Лексика и фразеология немецких диалектов. – СПб.: ООО Береста, 2002. – 127 с.
2. Филичева Н.И. Диалектология современного немецкого языка. – М.: Высшая школа, 1983. – 191 с.
3. Филичева Н.И. Немецкий литературный язык. – М.: Высшая школа, 1992. – 175 с.
4. Чукшис В.А. Лингвистический статус и функции диалекта в австрийском и швейцарском национальных вариантах современного немецкого языка. – Владимир, 2013. – 161 с.
5. Deutsches Universalwörterbuch. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2006. – 2112 S.
6. Oberösterreichische Nachrichten online [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nachrichten.at/> (дата обращения: 16.09.2015).
7. Österreichisches Wörterbuch. - 35., völlig neubearbeitete und erweiterte Aufl. – Wien, 1979. – 432 S.
8. Tiroler Tageszeitung online [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tt.com> (дата обращения: 17.09.2015).
9. Vertlieb V. Zwischenstationen. — Wien, Deuticke, 1999. – 464 S.

УДК 81.26

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКОЙ БИЗНЕС-ТЕРМИНОЛОГИИ

THE PROBLEMS OF TRANSLATION OF ENGLISH BUSINESS TERMINOLOGY

Рохлина А.И.

Ростовский Государственный Экономический Университет

Kyrare@yandex.ru

Rokhlina A. I.

Rostov State University of Economics

Аннотация.

Данная статья характеризует бизнес-терминологию английского путем рассмотрения самого понятия «термин», а также рассмотрения наиболее часто встречаемых ошибок при переводе бизнес-терминологии с английского языка на русский.

Ключевые слова: бизнес-терминология, терминообразование, интернациональный термин, многокомпонентный термин, неологизм, полисемия, омонимия.

Abstract.

The article characterizes English business terminology, examining the notion «term» and also more frequent mistakes in translating business terminology from English into Russian.

Keywords: business terminology, term formation, international term, compound term, neologism, polysemy, homonymy.

В последние несколько десятилетий проходят активные процессы интеграции нашей страны в мировое сообщество, которые охватывают все сферы нашей жизни. Расширяются контакты с зарубежными странами на всех уровнях (межгосударственные связи, дипломатические связи, туризм, обмен учащимися и студентами и т.д.). Естественно, что при таком развитии межгосударственных контактов возросла необходимость в изучении иностранных языков не только на разговорном уровне, но в особенности на бизнес уровне. Знание делового языка крайне важно в современных условиях, т.к. без него рыночная экономика не может полноценно функционировать и развиваться.

Общение на любом иностранном языке требует большого словарного запаса, который накапливается в течение нескольких лет. Знание делового языка предполагает не только обширный словарный запас, но и способность владеть узконаправленными речевыми оборотами, а также владение переводом специальных терминов, поскольку английская речь в сфере деловых отношений характеризуется смелым внедрением новых значений и более свободных морфологических форм.

Для изучения лексических и грамматических особенностей перевода делового языка были проанализированы 19 англо-русских, русско-английских, а также англо-английских словарей. В ходе анализа словарей выявлены наиболее часто встречаемые проблемы, связанные с переводом бизнес-терминов английского языка.

Каждая отрасль деятельности человека располагает своей терминологией, объединенной в терминосистему (терминология медицины, бизнес-терминология, лингвистическая терминология и т.д.). Лексическое значение термина соответствует понятию, выработанному в данной области. Бизнес-терминология английского языка постоянно пополняется новыми единицами в связи с развивающейся экономикой и бизнесом. При создании новых терминов в бизнес-терминологии английского языка используются различные способы терминообразования, которые связаны с развитием теории и практики данной области [1, с. 82].

Основными способами терминообразования сферы бизнеса являются:

- морфологический способ,
- лексико-семантический способ,
- синтаксический способ,
- аббревиация.

Наиболее продуктивными из вышеперечисленных способов считаются синтаксический способ терминообразования и аббревиация.

Большинство слов, относящихся к морфологическому способу терминообразования, образовано с помощью суффикса - *ing* и по смыслу принадлежит к категории каких-либо процессов. Например: консалтинг (*consulting*), лизинг (*leasing*), маркетинг (*marketing*), мерчандайзинг (*merchandising*), мониторинг (*monitoring*), холдинг (*holding*).

Термины, образованные семантическим способом, более просты по своему морфологическому строению и обычно представляют собой слова с нулевыми словообразующими морфемами. Иногда они могут состоять из двух морфем - корневой и словообразующей: *catalogue* – прейскурант, внезапное падение цен на контракты; *cash* – наличные. Такие термины могут затем являться компонентами словосочетаний и сложных слов: *breakage* - компенсация или скидка за поврежденный товар; *cash register* - кассовый аппарат [4, с. 54-61].

Наиболее распространённые модели образования терминологических словосочетаний: N + N (*consumer goods* – потребительские товары, *factory assets* – фонды предприятия, *account handling* – работа с клиентами, *gross profit* – суммарная прибыль). Данная модель составляет около 25 % терминов, образованных синтаксическим способом. Adj + N + N (*electronic data interchange* – система обмена компьютерной информацией). Данная модель составляет около 4,8 % терминов, образованных синтаксическим способом. Adj + N (*fixed capital* – основной капитал, *current assets* – текущий капитал). Данная модель составляет примерно 2,7 % терминов, образованных синтаксическим способом. N + of + N + N (*balance of payment statements* – установление платежного баланса). Данная модель составляет около 1,8 % терминов, образованных синтаксическим способом [5, с. 253-260].

Всякий язык стремится к экономии в выражении, и в терминообразовании эта тенденция особенно проявляется в аббревиации - сокращении слов и словосочетаний: *N.S.F.* (*not sufficient funds*) – не обеспечено денежным покрытием.

При переводе англоязычной терминологии на русский возникают трудности в её понимании. С точки зрения трудности понимания и перевода терминов, возможно, их деление на три группы:

1. Термины, обозначающие иностранные реалии, идентичные отечественным реалиям.
2. Термины, обозначающие иностранные реалии, для которых отсутствуют отечественные реалии, но есть общепринятые терминологические эквиваленты.
3. Термины, обозначающие иностранные реалии, для которых отсутствуют отечественные аналоги, и нет общепринятых терминологических эквивалентов [3, с. 41-42].

Например, в русском языке различаются четыре диапазона радиоволн – *низкие, высокие, сверхвысокие, крайне высокие*, а в английском – восемь диапазонов, закрепленных британским стандартом - *very low frequency, low frequency, medium frequency, high frequency, very high frequency, ultrahigh frequency, superhigh frequency, extrahigh frequency*. Таким образом, русскому термину *высокая частота* соответствует пять английских терминов, а *low frequency* по содержанию не эквивалентно термину *низкая частота*. Поэтому при выборе эквивалента термину необходимо тщательное изучение контекста.

С формальной точки зрения можно различить случаи, когда:

а) в качестве эквивалента используется интернациональный термин:

<i>criteria of marketing</i>	критерия маркетинга
<i>brand manager</i>	бренд- менеджер
<i>personnel</i>	персонал

б) многокомпонентный термин переводится многокомпонентным термином, причем при различиях в форме, как общее значение, так и внутренняя форма совпадают:

<i>entire agreement</i>	полнота договора
<i>soft credit</i>	льготный кредит
<i>increase profitability</i>	увеличить рентабельность

в) формы разноязычных эквивалентов не связаны между собой:

<i>targeting</i>	выбор целевых сегментов рынка
<i>yardstick</i>	критерий оценки
<i>bonds and shares</i>	облигации и акции

Так же были рассмотрены явления, которые вызывают наиболее часто встречающиеся трудности у переводчиков:

1) наличие неологизмов в бизнес-терминологии английского языка

Например:

<i>misleading silence</i>	вводящее в заблуждение умалчивание (форма недобросовестной рекламы, при которой умалчиваются некоторые особенности рекламируемого продукта)
---------------------------	---

<i>preventive car maintenance</i>	профилактическое обслуживание автомобиля
<i>heterogeneous shopping goods</i>	разнородные товары предварительного выбора
<i>interim and conservatory measures</i>	обеспечительные меры
<i>staple – goods purchasing</i>	покупка основных товаров постоянного спроса

2) проблема перевода форм собственности и их аббревиатур с русского языка на английский и наоборот

Рассмотрим подробнее данный вопрос на примере «ЗАО» (Закрытого Акционерного Общества). Очень часто встречается расшифровка и перевод данной аббревиатуры, как «*Closed Joint-stock Company*». Какая же скрытая ошибка таится в данном распространенном переводе? Дело в том, что данная расшифровка в большинстве англоязычных стран имеет несколько другой смысл, нежели в России. Проблема заключается в юридических аспектах самого ЗАО. В России подразумевают под этой аббревиатурой определенное юридическое правовое значение. Например, в Соединенных Штатах, где юристы не знакомы с юридическими аспектами и корпоративным правом России, поймут данный перевод, как нечто среднее между ЗАО и товариществом. Правильный перевод и расшифровка российской аббревиатуры ЗАО на английский язык - *Closed Stock Corporation*. Для юристов разница между АО - акционерное общество (Stock Corporation) и товариществом (Joint Stock Company) колоссальная и, что очень важно, смысловоразличительная.

3) полисемия бизнес-терминологии английского языка. *Полисемия* - это наличие у единицы языка более одного значения – двух или нескольких. Полисемия носит закономерный характер и обуславливается связью предметов и явлений объективной действительности. При этом, термин может приобретать не только новые значения, становясь многозначным, но и наоборот, терять те или иные значения, так как они могут не соответствовать современному объему понятия, называемого данным термином. Экстралингвистической причиной развития полисемии является эволюция понятия, вызывающая появление новых значений и оттенков значений у терминологических единиц.

4) омонимия бизнес-терминологии английского языка:

Терминологии данной сферы свойственны два типа омонимов: межотраслевые (*fine* – ремиз, *reduction* – редуция, *conglomeration* - конгломерат) и межсистемные (*asset* – актив, *rate* - такса). Межотраслевые омонимы образуются за счет латинских корней. У межсистемных терминов отсутствуют какие-либо элементы, позволяющие говорить о семантических контактах между ними. Основная черта терминов – омонимов заключается в том, что это факты разных семантических полей. Это препятствует их столкновению в сходных контекстах. В целом, омонимия по отношению к бизнес-терминологии может быть охарактеризована как межотраслевая (это термины разных терминосистем) и межсистемная (термины, являющиеся омонимами по отношению к общелитературным словам) [2, с. 56].

В некоторых случаях переводчик не дает точного перевода английского текста на русский, а дает его семантический эквивалент, поскольку только в этом случае возможно понимание темы переводимой информации. Такая необходимость возникает из-за расхождения между русским языком и английским. Данное расхождение происходит на нескольких уровнях:

- на уровне лексического состава языка;
- на семантическом уровне;
- на уровне существования безэквивалентных терминов.

Библиографический список

1. Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский: Учебное пособие. – М.: Изд-во УРАО, 2000. – 208 с.
2. Гореликова С.Н. Природа термина и некоторые особенности терминообразования в

английском языке. – Омск: Вестник ОГУ №6, 2002.

3. Овчаренко В.М. Термины, аналитическое наименование и номинативное определение. – М., 2001. – 215 с.
4. Салимовский В.А. Семантический аспект употребления слов в функциональных стилях речи. – Иркутск, 2001. – 134 с.
5. Татаринцов В.А. Теория терминоведения. – М.: Московский лицей, 2006. – 311 с.

СЕКЦИЯ 15. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 37

ЗАРУБЕЖНЫЕ ПРОЕКТЫ ПО МОБИЛЬНОМУ ОБУЧЕНИЮ

FOREIGN MOBILE LEARNING PROJECTS

Хафизова Д.А.

Московский городской педагогический университет
dinara.hafizova@rambler.ru

Khafizova D.A.

Moscow City Pedagogical University

Аннотация

В зарубежном и отечественном образовании все большую популярность набирает новое направление - мобильное обучение. Об этом свидетельствует большое количество различных конференций, семинаров, публикаций научных трудов, дискуссий и других мероприятий, посвященных вопросам мобильного обучения. Статья посвящена обзору ряда зарубежных проектов по мобильному обучению, представляющих большой интерес для отечественных специалистов, нуждающихся в осмыслении западного опыта в области мобильного обучения.

Abstract

The popularity of mobile learning is on the rise in our country and in foreign education. This fact is confirmed by a large number of different conferences, discussions, academic publications and other projects, which are connected with mobile learning. The article reviews several foreign mobile learning projects, which are of interest to our specialists, for whom it is necessary to analyze foreign experience of mobile learning.

Ключевые слова: мобильное обучение, мобильные устройства, мобильные технологии, технология обучения, платформы для мобильного обучения, обучение через всю жизнь.

Key words: mobile learning, mobile devices, mobile technologies, learning technology, mobile learning platform, life through learning.

Мобильное обучение возникло за рубежом в начале XXI века и связано с именем основоположника первого портативного устройства Dynabook Аланом Кеем[9]. С технической стороны создание данного изобретения способствовало переходу от стационарного компьютера к мобильному устройству, а в области интеграции технологий в образовательный процесс это означало появление нового направления в образовании. Иными словами, благодаря концепции А. Кея, зарождается идея об использовании портативных компьютеров в учебных целях [8: с.18].

О признании мобильного обучения как нового образовательного направления мировым научным сообществом можно говорить начиная с момента основания Ассоциации

мобильного обучения IAMlearn (International Association for Mobile Learning) и Международной Ассоциации IADIS (International Association for Development of the Information Society) [8: с.23].

IAMlearn занимается вопросами развития, применения и распространения мобильных технологий, ежегодно проводит серию конференций MLEARN, в которой принимают участие представители 60 стран мира [1].

Среди задач IADIS следует отметить следующие: организация конференций, семинаров, публикация научных трудов, продвижение исследований, связанных с мобильным обучением, сотрудничество с другими международными организациями, преследующие те же цели и т.д.[2].

С 2002 года за рубежом начинается целая серия мероприятий, посвященных вопросам мобильного обучения [8:с.21]. В Европе с 2005 года ежегодно проходит конференция International Conference Mobile Learning, целью которой является представление и обсуждение исследований и достижений в области мобильного обучения. В 2016 году конференция будет проводиться 9-11 апреля в Виламоуре, Португалии [3].

В США с 2002 года по настоящее время реализуется проект Тони Винсента - специалиста в области технологий обучения - Learning in Hand. Данный проект представляет собой некий ресурс, где преподавателям можно найти информацию о новейших мобильных технологиях, и о том, как они могут быть использованы на занятиях [4].

С 2004 по 2010 годы проводился британский проект HandHeld Learning, целью которого была разработка платформы для мобильного обучения. В качестве конечного продукта проекта было создано обучающее телевидение [5].

С 2009 года по настоящее время осуществляется проект BBC Janala, созданный благотворительной организацией BBC World Service Trust и призванный реализовать стратегию обучения английскому языку при помощи мобильных технологий в Бангладеш. Продуктом проекта является сайт изучения английского языка. Последняя разработка проекта BBC Janala - BBC Janala Amar Engreji Courses. Данный курс содержит 48 уроков, каждый из которых делится на три раздела, относящихся к разным уровням сложности [6].

Одним из крупнейших зарубежных проектов по мобильному обучению является проект «Мобильные технологии в обучении через всю жизнь» (Mobile Technologies in Life Learning:best practices – MOTILL, Евросоюз), проводившийся с 2009 по 2015 годы. Проект посвящен исследованию мобильных технологий как ключевого фактора в разработке гибкой модели обучения через всю жизнь, где знания являются доступными для всех, независимо от социально-экономического положения, возраста, пола, религиозных взглядов, национальной принадлежности [7]. Результатом проекта стало формирование пространства для обсуждения вопросов, касающихся данной модели обучения [8: с.26].

Подводя итоги, отметим, что на сегодняшний день существует большое количество различных зарубежных проектов в области мобильного обучения.

Нельзя не согласиться с тем фактом, что опыт данного направления за рубежом значительно шире, чем в нашей стране. В Европе и США продолжают активно создаваться и широко использоваться новейшие мобильные технологии, разрабатываются стратегии их внедрения в развивающиеся страны. Поскольку в России только началось становление мобильного обучения, отечественным методистам необходимо ознакомиться с накопленными знаниями в этой области, полученными западными коллегами в результате проведения различных проектов [8:с.18]. Мы нуждаемся в изучении зарубежного опыта не для того чтобы бездумно перекладывать его на российскую действительность, а для того чтобы осмыслить образовательный потенциал мобильных технологий, научиться ориентироваться во всем их многообразии, видеть плюсы и минусы, чётко понимать какие дидактические функции им присущи, какова их роль в учебном процессе, какие последствия влекут за собой те или иные мобильные технологии. Материалы зарубежных проектов могут служить основой для создания собственных отечественных технологий разработки мобильных материалов и методик.

Библиографический список

1. Сайт Ассоциации мобильного обучения IAMLearn [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iamlearn.org> - Доступ свободный.
2. Сайт Ассоциации IADIS [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iadisportal.org/>- Доступ свободный.
3. International Conference Mobile Learning [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mlearning-conf.org/>- Доступ свободный.
4. Learning in Hand with Tony Vincent [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://learninginhand.com/blog/>- Доступ свободный.
5. Британский проект HandHeld [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Learning <http://www.handheldlearning.co.uk> - Доступ свободный.
6. BBC Janala [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bbcjanala.com> - Доступ свободный.
7. MOTILL [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.motill.eu> - Доступ свободный.
8. Титова С.В Мобильное обучение иностранным языкам: учебное пособие / С.В. Титова, А.П. Авраменко. – М.: Издательство Икар, 2014. — 224 с.
9. Kay A. Personal Dynamic Media [text] // The new media reader. – 1977. Retrieved November 16, 2015 from: http://www.newmediareader.com/book_samples/nmr-26-kay.pdf

Электронное научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

Сборник научных трудов
по материалам международной
научно-практической конференции

25 ноября 2015 г.

По вопросам и замечаниям к изданию, а также предложениям к сотрудничеству обращаться по электронной почте mail@scipro.ru

Подготовлено с авторских оригиналов

ISBN 5-00-005294-3

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 2.5. Тираж 500 экз.
Издательство Индивидуальный предприниматель Краснова
Наталья Александровна
Адрес редакции: Россия, 603186, г. Нижний Новгород, ул.
Бекетова 53.